

№ 10 (1609)

2011

Не в силе Бог, а в правде!

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

II
ГОЛОВИНСКИЕ
ЧТЕНИЯ
ПРОШЛИ В
БЕЛГРАДЕ

Журнал «Посев».

Учредитель: Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

Издаётся с разрешения и при содействии издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Т.П. Артёмова,
Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков,
А.Б. Горянин, В.Э. Долинин,
Е.И. Древинский, Г.В. Кокунько,
О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов,
Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих,
Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров,
В.Б. Славин-Боровский,
М.В. Славинский, И.Б. Чубайс,
И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

Компьютерная вёрстка

М.Ю. Родионов

Корректор

К.В. Оскоцкая

Адрес издателя и редакции: 127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96
Телефон/факс: (495) 625-9248

E-mail: tsurganov@mail.ru;
posevru@online.ru
http://www.posev.ru

Адрес типографии ООО Принт сервис групп: 125438, Москва, 2-й Лихачёвский пер. 7. Телефон (495) 797-8124

Тираж 800 экз. Свободная цена
Подписано в печать 26.09.2011

Адрес издательства POSSEV GmbH:
Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. 34-1265; fax 34-3841.
http://www.posev.de
E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"»

ISSN 0234-8284

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы. Редакция в переписку с неопубликованными авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов ссылка на источник обязательна

ПОСЕВ

№ 10 (1609) октябрь 2011 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

Колонка редактора.	2
СОБЫТИЯ, КОММЕНТАРИИ, ИНТЕРВЬЮ	
Кирилл Александров. Конец тандема.	3
Сергей Маркедонов. Опыт соседей.	4
Игорь Чубайс. Риски и вызовы XXI века.	8
Татьяна Артёмова. Охота к перемене мест ...	10
1991-2011	

Святослав Иванов.

Нас уложили на дно, как кувшины.	11
Валерий Сендеров. Интернационалист Гитлер и патриот Сталин.	16
Мирон Я. Амусья. Нападение на Всемирный Торговый Центр.	18
Илья Хандриков. Разрешение на коррупцию.	21
Борис Соколов. Утомлённый Сталиным.	22
100 ЛЕТ РОМАНУ РЕДЛИХУ	

Человек без гражданства.	28
Роман Редлих. Не те людишки.	30

ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Вадим Сапов. О книге Питирима Сорокина «Пути и могущество любви».	31
Питирим Сорокин. Пути и могущество любви.	33

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Олег Волконский. Как Жуков попал в Тьмутараканское княжество.	34
--	----

КНИГИ И ЛЮДИ

Борис Пушкарёв. О собственности и свободе в России.	36
Издательский анонс.	38

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Плита в память чинов Русского Корпуса и П Головинские чтения.	39
Сергей Порохин. Генерального Штаба генерал-лейтенант, профессор Головин Николай Николаевич.	41
Некоторые мысли Н. Н. Головина.	45
Олег Саленко. Новый Град Китеж.	46
Макшарип Яндиев. Демократические выборы, положившие начало возрождению России.	48

На фоне глобальных событий осени, таких как объявленная «рокировка» Путина и Медведева (см. статью «Конец тандема» в этом номере журнала) или приговор Юлии Тимошенко, происходят и другие, другого масштаба, но и другого качества (см. материал «Плита в память чинов Русского Корпуса и II Головинские чтения»).

Кроме того, проводятся акции, к которым мы не имеем отношения, но которые привлекают наше внимание как общественные явления. В Скайсткалне (Бауский район Латвии) возле католического храма освящён Памятный камень в честь монахов-капуцинов, которые оказывали активную поддержку участникам движения сопротивления советской оккупации в середине — конце 1940-х годов. По данным информационного центра Римско-Католической Церкви Латвии, участникам сопротивления советской власти помогали братья ордена Карлис фон Гумпенберг, Янис Павловскис, Микелис Клявиньш, Микелис Ермацанс, Карлис Киселевскис. В торжестве приняли участие историк Инесе Дреймане, председатель Объединения национальных партизан Латвии Оярс Стефанс и многие другие.

В Приморье два молодых человека придали ироничный характер местному памятнику Ленину, расписав постамент, на котором сидит изваяние, в той же цветовой гамме, что и окрестные скамейки, — зелёный горох по жёлтому полю, краски нанесены аккуратно и ровно. Как писал в «Архипелаге ГУЛАГ» Александр Солженицын, юмор (в отношении символов тоталитарной власти) тонну лжи снимает.

В Санкт-Петербурге группа молодых людей, именующих себя членами партии «Народная доля» и движения «Еда вместо бомб», провели акцию «Памятный октябрь, или Авророво Воскресение», протестуя против — как они заявили — массовой бедности в России. Они водрузили на мачту «Авроры» пиратский флаг. В группу молодых людей входили не только жители Петербурга, но также уроженцы Мурманска, Петрозаводска, Электростали и других мест. Помимо «Весёлого Роджера» они пытались закрепить на реях баннеры с надписями «Реставрация» и «Голод — не тётка».

Акции в Приморье и Петербурге не встретили поддержки властей. Художников из Приморья ожидает штраф до 200 000 рублей или лишение свободы на два года; на восьмерых участников акции на «Авроре» составлены административные протоколы по статье «хулиганство», им грозит штраф в размере 2,5 тысячи рублей или арест на 15 суток.

На что могут быть потрачены «вырученные» государством деньги?

Например, на дискредитацию Алексея Навального — руководителя некоммерческого общественного проекта «РосПил», посвящённого борьбе со злоупотреблениями в государственных закупках. Бюджет кампании по дискредитации, — сообщает «Новая газета», — определён в 10 миллионов рублей. Родилась идея найти человека, похожего на Навального, посредством грима довести сходство до абсолютного и отснять видеоматериалы с его участием в различных «щекотливых ситуациях». Параллельно решено запустить серию «разоблачений» с использованием «документов», изготовленных при помощи фотшопа — графического редактора. Для распространения информации решили сделать ставку на пользователей социальных сетей Интернета. От использования ботов — программ, автоматически выполняющих действия на компьютере вместо людей, решили отказаться, под этот заказ началась вербовка действительных блогеров — ведущих интернет-журналов. Определены «квалификационные требования»: наличие блога, зарегистрированного как минимум до января 2010 года, и наличие не менее двухсот «взаимофрендов». На сегодняшний день на работу с оплатой 100 долларов за пост (сообщение) нанято уже около пятисот блогеров, ведущих свои журналы в русскоязычном сегменте «Фейсбука», Живом журнале (ЖЖ) и проживающих за пределами России.

В этом месяце не обойдём вниманием и трагические «юбилеи». Двадцать лет назад, 6 октября 1991 года, через полтора месяца после провала путча ГКЧП и роспуска КПСС, в Санкт-Петербурге был убит поэт и композитор Игорь Тальков

Товарищ Ленин, а как у Вас дела в аду?
Вы там на сковородке иль на троне?
Готовитесь ли к Страшному суду
Или надеетесь, что дьявол выдаст бронь Вам?
Нет, брони Вам, товарищ, не видать.
Господь не допускает компромиссов.
И мы хотим успеть Вам все сказать,
Пока Ваш дух не воплотился в крысу.

или

Эй, кто там обнадёжился по поводу того,
Что коммуняки покидают трон...

Пять лет назад, 7 октября 2006 года в Москве была убита журналист и правозащитник Анна Политковская, что — как известно — «принесло больше вреда, чем её публикации».

Кирилл Александров

Конец тандема

Конец тандема посеял тихую панику.

Вся 58-я всегда знала, что сущностной разницы между «добрым» и «злым» следователем нет. Более того: «добрый» ещё возьмёт на жалость, заставит расслабиться и раскрутит на весь четвертак, потому что, как известно, «ни за что у нас “десятку” дают».

А «добрый», если не выудит, так придумает что повесомее.

Кто не понял — читайте «Предателя» Редлиха.

Но: были, были у многих иллюзии.

Надежды — дескать, «добрый» останется.

Про репрессированных что-то в блоге писал. Слова там всякие произносил: «Свобода лучше несвободы».

Музыкант Костя кричал, что пойдёт голосовать за простого парня из Купчино, который в детстве любил слушать тяжёлый рок.

Теперь совершенно ясно: чепуха. У казино выиграть нельзя.

Несколько знакомых бросились звонить по телефону: «Чемоданы собирать?» Один очень умный человек написал с тоской: «Это же ещё на 25 лет» (тот самый четвертак). «Ты думаешь, это им дали? Это нам дали. Этот четвертак и есть мой самый продуктивный возраст в жизни. А у меня ещё дети».

Поразительно, как власть невосприимчива.

У одного старого и очень мудрого католического священника во время его приезда в Петербург как-то спросили: «Как вы относитесь к Франко?» «Ну, Франко... — оживился священник. — После победы над красными, в 1940 году, мои родители отдали меня учиться в католическую школу. Я стал христианином и священником благодаря Франко. Каудильо — это был солнце». Потом о. Мигель подумал и добавил: «Но, честно сказать, к концу своей жизни это солнце нас всех порядком утомило».

И засмеялся.

Полагаю, что двадцати пяти лет у тандемцев нет. Тем более, никто из них не обладает качествами Франко.

Любая система без конкуренции и здоровой состязательности обречена на стагнацию. Стагнация уже идёт, метастазы развиваются, и никакой олимпийской пудрой лихорадочный румянец больного не приукрасить.

Брежневский СССР гнил 20 лет: стоящий вагон раскачивали из стороны в сторону и бегали вокруг него с зелёными ветками, изображая проносящиеся мимо деревья по пути в коммунизм. И власть, и общество ввали вразлёт и цинично — от чего СССР и скончался. Сейчас врут не меньше, а все процессы идут гораздо быстрее, чем в 1970-е годы. Примерно в 2–3 раза. Вот и считайте сами. Никаких двадцати лет в запасе нет.

Объективно плохо то, что власть ухитрилась добиться почти невозможного: роста популярности си-

стемных коммунистов. Не тех, которые «бывшие» или выходцы из бессмертной номенклатуры, а самых что ни на есть настоящих, чей идеал — Советский Союз образца 1952 года.

Подождите, мы ещё увидим их подпрыгивание на выборах.

И вполне возможно, что зюгановцы возьмут приличное количество думских мандатов. А большевики от малейшего успеха начинают наглеть и вести себя всё более развязно. Тем более, сейчас власть будто бы намеренно создаёт условия для того, чтобы любимый шариковский лозунг «Всё взять и поделить» приобретал всё больше сторонников. Власть-то думает, что зюгановцы — это такие ручные дракончики, которых можно дразнить, как в зоопарке, через прутья какой-нибудь клетки, но всерьёз не принимать и не бояться.

Внешне всё так.

Но если коммунистам удастся оседлать волну социального протеста, никаких нефтяных денег не хватит, чтобы залить новый пожар мировой. Да и немного их на самом деле. И здесь какая-нибудь Манежная площадь покажется детским садиком.

И как реагировать?..

Паковать чемоданы?..

Ни в коем случае.

Ни в силе Бог, а в правде, — и нам-то та правда ведома.

Музыкант Юра в интервью «Интерфаксу» сказал честно и правильно: «Ничего страшного не случилось, жизнь продолжается, по сравнению с истинными масштабами это всё... Что заслужили, то и получили».

И далее призвал: «Ни в коем случае никому из нашей прекрасной страны не советую бежать. Рубиться, жить полной грудью, иметь внутреннюю свободу, принимать правильные решения, задавать себе вопросы о смысле бытия».

Мы знаем, что и зачем мы делаем.

Мы видим конкретные результаты наших небольших усилий.

Мы знаем, что мы должны делать каждый день — и через полгода.

Суть и смысл человека проявляется в тех жизненных обстоятельствах, в которые его ставит Бог. Следование за Христом в любых условиях не предполагает страха и отчаяния. Или, как минимум, предполагает их преодоление.

Поэтому примем всё происходящее как должное.

Будем деятельными, а не болтливыми.

И пусть каждый из нас сделает всё от него зависящее, чтобы это должное стало лучшим. Это наша страна («Пусть и не красавица. Пока»).

Вот пускай они отсюда и бегут.

Сергей Маркедонов

Опыт соседей

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В АБХАЗИИ — ЭКЗАМЕН СДАН

26 августа 2011 года в Абхазии прошли президентские выборы. Нынешняя избирательная кампания отличалась от всех предыдущих прежде всего потому, что была внеочередной. До мая ничто не предвещало политических баталий. Ближайшие парламентские выборы были намечены на 2012 год. При этом законодательная власть в Абхазии играет важную, но всё же подчиненную роль, по сравнению с президентом. Главу республики предстояло избрать только в конце 2014 года. Однако уход из жизни второго президента Абхазии Сергея Багапша в одночасье сформировал новую повестку дня. Республика стала готовиться к выборам.

Впрочем, каждая президентская избирательная кампания здесь имеет свою «изюминку». В процессе распада Советского Союза и во время грузино-абхазского конфликта структура власти в Абхазии во многом напоминала универсальную для СССР модель, когда на вершине пирамиды находился Верховный Совет и его председатель. 26 ноября 1994 года отделившаяся от Грузии республика приняла собственную Конституцию. Основным законом вводил пост президента, а также предполагал серьёзное перераспределение полномочий между исполнительной и законодательной властью в пользу первой. Первым президентом Абхазии в 1994 году стал харизматический лидер абхазского национального движения Владислав Ардзинба. Тогда его избрание было осуществлено депутатами Верховного Совета. Через 5 лет он был переизбран уже на всенародных выборах, правда, на безальтернативной основе.

Именно 1999 год стал периодом выхода на авансцену абхазской политики нынешнего победителя президентской гонки Александра Анкваба. Нельзя сказать, что до этого времени он был неизвестным политиком. В 1992 году занимал пост министра внутренних дел Абхазии, отстранив от исполнения обязанностей этнического грузина Гиви Ломинадзе. В то время шла острая борьба грузинской и абхазской общины за административно-бюрократическое доминирование в республике. Вооружённый конфликт тогда ещё не был неизбежным, однако две силы наращивали свои ресурсы для обеспечения более выгодных позиций. В 1992–1993 гг. Анкваб возглавлял МВД Абхазии. Однако его личный конфликт с Владиславом Ардзинбой превратил «главного абхазского милиционера» в политического эмигранта. В 1994–2004 гг. Анкваб проживал в Москве и пытался сформировать оппозицию первому президенту непризнанной республики дистанционно. В то время казалось, что позиции Ард-

Сергей Багапш

зинбы будут незыблемыми. Во-первых, народ Абхазии устал от войны и нестабильности и был готов наделить популярного национального лидера неограниченной властью для преодоления имевшихся трудностей. Во-вторых, официальный Тбилиси не оставлял надежд на изменение сложившегося статус-кво, предпринимая время от времени попытки «разморозить» конфликт (инциденты в Гальском районе в 1998 году и в Кодорском ущелье в 2001 году). Все это давало абхазской власти возможности для этнополитической мобилизации. Любого оппонента власти можно было заклеить как «агента Грузии». Отголоски такого подхода мы увидели и во время избирательной кампании 2011 года. Можно вспомнить, как в канун выборов «всплыло» интервью бывшего министра обороны и члена Госсовета Грузии Тенгиза Китовани, который вдруг «вспомнил» факты якобы имевшегося сотрудничества Александра Анкваба с грузинскими спецслужбами.

В 1999 году абхазская оппозиция рассматривала нынешнего победителя президентской гонки как само-го сильного претендента и оппонента харизматическо-

Сергей Маркедонов — политолог, кандидат исторических наук, приглашённый научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований, США, Вашингтон

Александр Анкваб

го Ардзинбы. Однако 11 лет назад Анкваб попал под колесо республиканского «Закона о гражданстве» (был принят в декабре 1993 года, а потом дополнен и изменён в январе 1995 года). Акт вводил «ценз оседлости» для участия в выборах. В 2004 году «московский абхаз» столкнулся с той же проблемой. Но оппозиция Владиславу Ардзинбе, в отличие от 1990-х годов, была уже намного более сильной и сплочённой. И тогда Александр Анкваб использовал свои возможности и ресурсы для поддержки Сергея Багапша, став вторым человеком в его команде. Сначала как премьер-министр, а потом как вице-президент. Заметим также, что в течение двух неполных президентских легислатур Багапша Анкваб вёл себя исключительно корректно, не выказывая (по крайней мере, публично) президентских амбиций. Выборы 2004 года стали первой по-настоящему конкурентной кампанией. Интрига в них присутствовала не только до самого дня голосования, но и после него, при подсчёте голосов. Не вдаваясь подробно в историю тех лет, скажем, что 7 лет назад сформировалась сложная политическая повестка дня в Абхазии. Отныне борьба за этнополитическое самоопределение увязывалась с более глубокой демократизацией и повышением качества государственной власти.

Выборы 2009 года стали первыми после признания абхазской независимости Россией. Как и предшествовавшая им кампания, они отличались конкурентной борьбой. В них принимали участие 5 кандидатов. И хотя победа в первом туре была выиграна Сергеем Багапшем с результатом 61,16% голосов, совокупный потенциал его четырёх оппонентов составил 34,01%. При этом два соперника Сергея Багапша (экс-вице-президент Рауль Хаджимба и экс-депутат Беслан Бутба) критиковали власти за чрезмерную податливость России и забвение собственных интересов республики. Прежде всего, речь шла о передаче РФ стратегически важных объектов Абхазии.

Нынешняя внеочередная президентская кампания также была первой в своем роде. Это были выборы после Багапша, политика, обладавшего уникальным статусом для частично признанной республики. Президента, обеспечившего Абхазии хотя бы и минимальное, но международное признание. Она стала

многоплановым тестом для республиканской элиты. Во-первых, ей было необходимо выдержать непростой баланс между политической конкуренцией и стабильностью. С одной стороны, смерть Сергея Багапша лишала республику фигуры объединителя. Она могла спровоцировать жёсткую борьбу разных групп влияния за власть. С другой стороны, в Сухуми прекрасно понимали: без содержательной конкурентной борьбы все разговоры о расширении международного признания можно было бы прекратить. В итоге в борьбе за президентское кресло сошлись Александр Анкваб, Сергей Шамба и Рауль Хаджимба. Первый из перечисленных политиков в наибольшей степени подходил на роль преемника Багапша. Он раньше других начал противостояние той системе, которую выстроил Владислав Ардзинба. Он в 2004 году согласился на роль «второго человека» в команде Багапша. Что касается Сергея Шамбы, тот длительное время оставался вне внутриполитических проблем, занимая кресло министра иностранных дел. После кампании 2009 года он получил пост премьер-министра. Однако в полной мере использовать все свои возможности на «внутренних фронтах» он не сумел. Возможно, этим и объясняется чрезмерно наступательная рекламная кампания именно этого кандидата. Рауль Хаджимба, несостоявшийся преемник на выборах 2004 года, похоже, уже прочно освоился с ролью критика и вечного оппозиционера. Его избирательная кампания во многом повторяла набор лозунгов и идей, которые этот политик уже озвучил в 2009 году. Суть их в следующем: дружба с Россией не должна сопровождаться полной утратой национальной независимости.

В избирательной кампании 2011 года присутствовала интрига. До самого последнего дня со стопроцентной определённостью было невозможно сказать, кто станет победителем. Интересно, что даже в абхазском клоне «Единой России» «Единой Абхазии» в ходе предвыборной борьбы случился раскол! Некоторые члены правящей партии вместо поддержки действующего вице-президента (второго человека в команде Багапша) выразили поддержку Сергею Шамбе. Не обошлось и без эксцессов. К таковым можно отнести похищение племянника известного предпринимателя Беслана Агрбы. Таким образом, помимо публичной

Рауль Хаджимба

политической борьбы проявляли себя и «теневые» сектора абхазской общественной жизни, влияние которых также невозможно недооценивать.

Как бы то ни было, а некоторые важные краткосрочные и среднесрочные задачи абхазская элита решила. Выборы состоялись. Без радикальных потрясений, революций и переворотов. Александр Анкваб победил в первом туре с 54,86% голосов. Однако эта убедительная победа совсем не похожа на среднеазиатские или белорусские политические триумфы. Оппоненты Анкваба получили также солидную поддержку избирателей. У Сергея Шамбы — 21,04%, а у Рауля Хаджимбы — 19,83%. То есть совокупный потенциал двух проигравших кандидатов составляет порядка 40%. И это — не просто статистика. За цифрами стоят голоса конкретных людей и интересы определённых политических и экономических групп, которые не может игнорировать никто, включая и победителя выборов. Абхазия снова доказала и Грузии, и всему миру: власть здесь передаётся от одного лидера другому мирным путем посредством выборов. В этом плане внеочередная кампания стала посмертным поклоном безвременно ушедшему Сергею Багапшу. Между тем, в Грузии за весь постсоветский период цивилизованной передачи власти от президента президенту не происходило. Выборы 2011 года, таким образом, принесли в негласном соревновании дополнительные очки Абхазии.

Однако избрание президента — это всего лишь закрытие одной страницы истории и открытие новой. Впереди у Александра Анкваба много сложных проблем. Как выстраивать взаимоотношения с Сергеем Шамбой, который в ходе выборов использовал жёсткие приемы в отношении к нынешнему победителю. Тем паче, что Шамба — не радикал-оппозиционер, а глава правительства республики. Кстати сказать, модель отношений между этими политиками станет уже в скором времени ещё одним тестом для абхазской государственности. В своё время Багапш нашёл силы для работы со своим оппонентом по выборам Раулем Хаджимбой. Впоследствии они снова разошлись по разным углам политического ринга. Однако никаких мотивов мести в поведении Багапша не было. Готов ли Анкваб идти этим же путем? Ближайшие события покажут. Очевидно, что Анкваб не сможет не учитывать и тех острых проблем российско-абхазских отношений, которые были подняты Раулем Хаджимбой. И в 2009, и в 2011 году. И, конечно же, никто не отменял таких задач, как укрепление властных институтов, борьба с криминалом, гармонизация межэтнических отношений (в особенности вопросы гражданства для грузин Гальского района). Таким образом, один серьёзный экзамен Абхазией сдан. Но впереди её ждут более сложные испытания.

Югоосетинская версия тандема

18 сентября 2011 года на VIII Съезде партии «Единство» (юго-осетинской правящей партии) действующий президент Эдуард Кокойты был избран её председателем. Кандидатура Кокойты была предложена

руководителем центрального политсовета «Единства» Зурабом Кокоевым. Для того, чтобы голосование в пользу действующего президента было возможно, потребовались некоторые процедурные инновации, а именно изменения и дополнения в партийный Устав. Была учреждена сама должность председателя партии, которая отныне считается высшей выборной позицией. Попытаемся разобраться в причинах подобной политической комбинации.

На 13 ноября нынешнего года в Южной Осетии намечены выборы президента республики. Между тем, задолго до старта предвыборной кампании в республике закрутилась серьёзная интрига. В этой интриге было несколько узловых моментов. Самый важный из них — это перспектива третьего срока для президента Кокойты. К этой теме лидер Южной Осетии в разные периоды относился по-разному. До парламентской кампании 2009 года он не исключал возможности пролонгации своих полномочий. В ходе выборов парламента республики (первых после «пятидневной войны» и признания государственной независимости) Москва устами Сергея Нарышкина, главы администрации Дмитрия Медведева, отправила недвусмысленный сигнал в Цхинвали: нарушения Конституции Южной Осетии будут считаться «красной линией» в асимметричных стратегических отношениях. Кокойты с этим согласился. И стал озвучивать своё мнение о невозможности менять Основной закон в угоду себе.

Но при этом нельзя сказать, что президент Южной Осетии тут же смирился и взял под козырёк. Были и определённые «прощупывания» позиций Кремля, когда была задействована риторика по поводу независимости и невозможности «внешнего вмешательства». Были и косвенные сюжеты, в которых Кокойты пытался испытать Москву на прочность (конфликт президента с премьер-министром республики Валерием Бровцевым). Наконец, были действия команды, которую мы можем назвать «коллективным Кокойты». В мае нынешнего года инициативная группа во главе с заместителем министра обороны Южной Осетии Ибрагимом Гассеевым начала кампанию по проведению референдума о снятии ограничений на занятия поста президента для одного человека. Когда же эта затея не была поддержана высшей судебной инстанцией Южной Осетии, были предприняты иные методы давления. 15 июня 2011 года группа вооружённых людей совершила форменный набег на югоосетинский парламент, пытаясь заставить депутатов проголосовать за поправки к Конституции, открывающие для Кокойты «третий срок». Впрочем, эта попытка также не удалась. Заметим, что эти неконституционные действия никоим образом не поддерживались лидером Южной Осетии публично (формально). Напротив, он многократно заявлял, что не собирается изменять Конституции республики. Но при этом он фактически не вел какой-либо содержательной критики «коллективного Кокойты», то есть тех людей, которые толкали ситуацию к силовым сценариям.

Москва долгое время держала паузу. Однако после молчания длиной в несколько месяцев слово

снова взял Сергей Нарышкин. В ходе своей встречи с Кокойты 19 августа 2011 года он снова заявил, что идея «третьего срока» невозможна. По словам высокопоставленного представителя Кремля, Москва будет работать с любым главой, которого изберёт народ. На первый взгляд, ничего нового глава администрации Дмитрия Медведева тогда не сказал. Про право народа на встрече незадолго до этого в Селигере говорил и Владимир Путин. Однако здесь были свои важные нюансы. Нарышкин чётко дал понять своему визави из Цхинвали: 13 ноября будет избран кто-то другой, не сам Кокойты. Впрочем, это был сигнал не только и не столько политику Кокойты, сколько его команде, «коллективному Кокойты». Россия обозначила свой интерес в спокойной и цивилизованной смене власти. Без осложнений, эксцессов, гражданских конфликтов и без попыток продавливания «третьих сроков».

В итоге 2 сентября 2011 Кокойты назвал двух возможных кандидатов на роль своего преемника. Были названы имена генерального прокурора Южной Осетии Таймураза Хугаева и руководителя МЧС Анатолия Бибилова. Эта двойственность, однако, недолго продолжалась. Уже через 12 дней действующий президент Южной Осетии определился с кандидатурой своего преемника. Выбор пал на Анатолия Бибилова. В ходе встречи с ним Кокойты, обращаясь к нему, заявил: «С учётом вашего опыта и знаний, личностных качеств, самого активного участия в становлении республики, как независимого государства, считаю вашу кандидатуру наиболее приемлемой на нынешнем этапе развития страны». Прошло еще 4 дня. И кандидатура Бибилова получила институциональную поддержку. Во-первых, его поддержала юго-осетинская «партия власти» (имеющая самую крупную парламентскую фракцию) «Единство». 18 сентября он был выдвинут на Съезде партии, как «единый кандидат». Во-вторых, Бибилова поддержал не только уходящий президент, но и новоизбранный председатель партии. Таким образом, в один заход Эдуард Кокойты решил несколько проблем сразу. Вопрос о «третьем сроке» отпал. Теперь это уже не узловой момент избирательной кампании. Обозначился и преемник Кокойты. Ещё несколько месяцев тому назад Бибилов не выглядел как стопроцентный претендент. Шансы того же Хугаева многие рассматривали, как более предпочтительные. Но после 18 сентября с «единым кандидатом от власти» стало всё понятно. Но это ещё не всё.

Стало понятно, какую позицию после своего ухода от президентства займет Эдуард Кокойты. В случае с Южной Осетией путинский вариант (то есть переход на работу председателя правительства) был бы весьма проблематичен. Этот орган, в особенности после признания независимости и начала нового «российского этапа» юго-осетинской постсоветской истории, стал играть роль «поставщика услуг», которые идут из Москвы в Цхинвали. Эту роль Кремль хотел бы оставить за собой, отдав функции «потребителя» услуг президенту и его команде. Разыгрывать же комбинации с парламентом, полагаю, никакой возможности не было. Прежде всего, потому, что ещё с конца 1990-х годов

роль парламента здесь была существенно снижена (и фактически, и формально). Выборы в высший представительный орган, к тому же, прошли недавно, в мае 2009 года. И чтобы поставить Кокойты на пост спикера, требовалось сначала избрать его депутатом на досрочных выборах, которых власти не слишком хотели бы. Зачем, в самом деле, давать хотя бы теоретические шансы оппозиции. В итоге найдено оригинальное и креативное решение. Кокойты возглавляет «партию власти», имеющую самую большую парламентскую фракцию, членов в аппарате всех структур, включая и силовые органы. При этом именно эта партия продвигает вперёд своего «единого кандидата». А значит, имеет право спрашивать с него в порядке «партийной дисциплины».

Таким образом, 18 сентября 2011 года Южная Осетия сделала первый шаг к формированию политического тандема с местной спецификой. С одной стороны, Бибилову еще надо победить. Да, Южная Осетия — это не Абхазия. Претенденту от «партии власти» здесь будет намного легче вести свою кампанию. Поддержка со стороны Москвы может быть намного более концентрированной. Здесь ведь не наблюдается выдвижение претендентов от разных групп республиканской элиты (как было в Абхазии с конкуренцией между Анквабом и Шамбой). Да и оппозиция здесь слабее. Просто потому, что, в отличие от Абхазии, она группируется не в республиканской столице, а за пределами частично признанной республики. Так, например, оппозиция Кокойты проводила 7 сентября свою встречу по выборной тематике во Владикавказе. Нельзя исключать, что разнородная юго-осетинская оппозиция пойдет на выборы отдельными отрядами. Это также облегчит задачу «единому кандидату» от «партии власти». Однако лёгкость предстоящих выборов для него будет кажущейся. Эдуард Кокойты недвусмысленно заявил, что, уходя, он остается и «будет работать с народом Южной Осетии». А значит, и с вновь избранным 13 ноября 2011 года президентом.

Таким образом, частично признанная республика отчасти пытается воспроизвести у себя российский опыт. Президент исполняет статьи Основного закона и не выходит за лимит положенных ему двух легислатур. Но при этом он не уходит из политики, сохраняет не просто неформальное влияние на принятие решений, но и пытается его оформить институционально. Однако вопрос о слаженности «тандема» остаётся открытым. И дело здесь не только в личных амбициях предшественника и преемника. Просто в случае с Россией над Кремлем не было каких-либо наблюдателей, которые могли бы вмешаться в работу «тандема» и скорректировать ситуацию. В Южной Осетии это возможно. И не исключено, что Москва после победы «единого кандидата» захочет ограничить неформальное влияние Эдуарда Кокойты, превратив его в символическую фигуру, чьё воздействие на принятие управленческих решений не будет критически важным. Впрочем, и здесь, как говорится, возможны варианты.

Игорь Чубайс

Риски и вызовы XXI века

Основные термины и суть проблемы. **Нацидея** — главные ценности, которые из аморфной массы людей сформировали данный народ, это ценности, характерные для данной страны и отличающие её от других стран. В России со времен Достоевского чаще говорят о русской — т. е. общероссийской — идее, на Западе та же тема называется проблемой **идентичности**. Если идею сравнить с планом здания, с геном организма, то идентичность — это всё возведённое сооружение, выросший из гена организм. **Нацидею** существующего народа нельзя выдумать, её надо выявить, как законы природы не выдумывают, а открывают и выявляют.

История нашей страны — это история двух разных государств, а теперь происходит переход и в некое третье состояние.

На протяжении тысячи лет мы формировались Российской системой ценностей, Русской идеей — сочетанием православия, собирания земель и общинного коллективизма. Эти начала были органичными, соразмерными внутренним правилам и нормам людей. Они позволили нашим предкам сохранять себя десять веков, побеждать в войнах, создать самое большое в мире государство.

После переворота 1917 года страну принудили сменить русскую идею на коммунистическую идею и комидеологию. Новые правила были для нашего народа противоестественными и навязанными силой. Поэтому вся советская история — это история тоталитарного давления и народного Сопротивления, закончившегося распадом государства. Ложь о строительстве социализма в СССР — самая большая мистификация XX века, ибо социализм — это отсутствие эксплуатации, а в СССР эксплуатация не просто была — её уровень был гораздо выше, чем в странах Запада.

После распада СССР мы пребываем в квазигосударстве, отказывающемся определять свою идентичность, а значит, не имеющих национальных интересов и стратегии. Системы без внутренних правил подвержены деградации и распаду. Отказ от декларирования нацидеи, от восстановления фундаментальных норм и правил необходим правящему классу, ибо делает невозможным саму постановку вопроса об ответственности.

— **Вы много лет занимались поиском общенациональной объединяющей идеи для России. В чём состоит идея нашего государства?**

— После распада Советского Союза у нас возникло три варианта правил — мы могли жить по-русски, по-неосоветски, или отказавшись от всей своей истории. В действительности власти реализуют идею винегрета — утром мы российские (реабилитировали Николая II), днем — антироссийские: станцию метро «Войковская», названную в честь убийцы императора, переименовывать нельзя; в полдень мы советские: никакого Голодомора в Украине не было, но к вечеру — антисоветские: Катюнь — это страшное преступление Сталина и его приспешников... А ещё мы, когда надо, — западные, фактически Россия ассоциированный член НАТО, через нас идёт военный транзит в Афганистан и т. д., но, конечно, когда надо — мы антизападные, Абхазии и Южной Осетии поможем отделиться от Грузии, рвущейся в НАТО...

— **Что для Вас советский период?**

— Это был разрыв в развитии страны. *Про железный занавес впервые написал В. Розанов в 1918 году, и опустился он не над территорией, а над нашей историей.* Как ФРГ — не Третий Рейх, так СССР — не историческая Россия. *Большевики кричали про равенство и социальную справедливость, но на самом деле старые классы были вообще уничтожены и обобраны, рабочие и крестьяне нещадно эксплуатировались, в стране была тотальная цензура, а парт-госаппарат кормился в закрытых распределителях и получал деньги в кон-*

вертах. Всё это называлось «Народ и партия едины» и «Победа коммунизма неизбежна».

— **Разве коммунисты не продолжили собирание земель под лозунгом мировой революции, которая бы завершилась созданием всемирного СССР?**

— Расчёт на это был. Название «СССР» означало, что это государство может быть где угодно. В Европе, в Азии, в Антарктиде. Но близость по любви и изнасилование — вещи разные, единство человечества на комидеологических, тоталитарных принципах — это абсурд.

— **Вы недовольны нынешним «винегретом», но разные люди по-разному думают, а руководство страны лавирует, чтобы всем угодить.**

— Нельзя путать плюрализм и шизофрению. В обществе всегда существует согласие по ключевым позициям (без этого нет самого общества) и широкая дискуссия о деталях и тактике (потому и нужна многопартийность). *У нас ни политики, ни общественная наука, ни СМИ, ни само общество не пришли к согласованному ответу на главный вопрос: СССР — это наше высшее достижение или страшная катастрофа? Представьте, что в Германии считалась бы нормой вечная дискуссия: Гитлер — хороший парень или негодяй? Но пока вы не разобрались в своём прошлом, вы совершенно не способны двигаться в будущее. Когда ваш сын идёт в армию, и его бросают в Дагестан воевать с террористами — какую Россию он защищает? Россию бомжей, олигархов, компартии, Императорского Дома, коррумпированной бюрократии?*

— Бомжи и олигархи в любой стране есть. И компартия — во многих. И коррумпированные чиновники везде есть, и наркоманы. Так кого защищают те, кто идёт в армию?

— Во всех странах всё есть, но существует ещё и понимание того, что такое норма, а что — болезнь. Например, в Европе норма, чтобы 10% самых богатых получали в шесть-семь раз больше, чем 10% самых бедных. А у нас они получают в сотни раз больше! Точнее, у нас вообще нет настоящей статистики. У нас нет никаких правил и болезнь приравнена к норме.

— **Всё-таки что идёт защищать парень?**

— Правящую номенклатуру, бюрократический аппарат.

— **Может, это и есть наша идея? Что Россию от распада удерживает именно бюрократия, а больше ничего нас не связывает.**

— Человек, сломавший ногу, ходит в гипсе, но ждёт, когда его можно будет снять. Нам же предлагают постоянно ходить с гипсо-номенклатурной прокладкой, не допуская срастания системы ценностей. Такое государство очень недолговечно и в любой момент может обрушиться. Государство сильно тогда, когда общество одухотворено и вдохновлено ценностями, правилами, которые являются собственными, органичными, российскими. У нас эти правила расшатывают. Поэтому наша интеграция — остаточная, и опасение, что Россия может развалиться, испытывает любой думающий человек.

— **Насколько вообще реально объединить Москву, Чечню и Дальний Восток российской идеей?**

— Так они и были объединены, и никто не хотел уходить. Столетие назад Финляндия, Балтия стремились к автономии, но никак не к отделению... Если вы строите большой жилой дом, а на первом этаже делаете магазин, в подвале — гараж и т.п., дом не только не перестаёт быть жилым, напротив, в нем всем удобно. Многомерность Российской империи скреплялась общенациональной идеей и всех устраивала. Нам не нужен винегрет, нам нужно Преемство с исторической Россией. Именно по этой логике действовали страны Восточной Европы. Они вернули преемственность с той страной, которая была до прихода большевиков. Вернули конституцию, которая тогда была. Но при этом все свои правила и принципы модернизировали и вписали в современность.

— **Нам тоже надо вернуть дореволюционную конституцию и Романовых на царство?**

— Очень многое можно и нужно вернуть, ну, хотя бы исторические названия городов и улиц. Более того, надо понять, что российское — это наше, а советское — это катастрофа, что все высшие достижения — в исторической России. Конечно, в той России были ошибки и просчёты, но в целом — это удивительно успешная страна, в СССР были определённые достижения, но в целом — это совершенно ненормальный, нежизнеспособный режим. Когда мы воссоединимся с тысячелетней Россией, восстановится общее историческое время, система правил и координат.

— **В СССР не было развития, если заводы строили и человека в космос запустили, разве сегодня мы не продолжаем успехи СССР?**

— Конечно, за 70 лет нельзя было устоять на месте даже при большом желании. Но советские установки были не на качественный рост, а на количественный, от которого как раз Россия успела почти полностью отказаться. В начале прошлого века 40% мирового агроэкспорта — это доля России, зарплата русских рабочих уступала только американским и была самой высокой в Европе, рубль был конвертируемым, немецкая марка стоила 47 копеек! Жизненный уровень в России был такой же, как в весьма развитой тогда Испании. Наш демографический рост — 1,5% в год — превышал прирост населения всей остальной части планеты. В начале века Д. Менделеев сделал прогноз — к 1930 году Россия выходила на 1 место в мире по ВВП!

А что сегодня — мы вернулись в XVIII век, к количественному, экстенсивному росту, живём за счет экспорта газа и нефти, причём власти неспособны даже организовать её переработку. А теперь намечен новый этап экстенсивного самоистребления. 2,5 миллиона москвичей хотят депортировать за город, вырубить подмосковные леса, снести дома, дачи, коттеджи и создать раздолье для чиновников...

Настоящая Россия осваивала новые миры и новые пространства, а не занималась самопожиранием.

Историческая Россия после революции 1905 года гарантировала и политические права, и высокий уровень социальных прав своих граждан. В Советском Союзе были определённые социальные гарантии — право на труд, на бесплатное обучение, здравоохранение, но не было политических прав. Сегодня мы оказались в системе, где нет ни политических, ни социальных прав.

— **А разве коррупция не объединяет нынешнее время с нашей историей? То есть всё решали и решают деньги.**

— Нынешний правящий класс предал свою страну и должен быть полностью отстранён от власти. Другого варианта я не вижу. Нельзя сказать, что все воруют, хотя ситуация, в которой мы находимся, хуже 1941 года. Но это не значит, что надо поднять руки, собрать чемодан и уехать. Правила XIX века сейчас не годятся, но их можно модернизировать. Надо вернуть систему ценностей тысячелетней России, в которой герои — не Ксюша Собчак и Анна Чапман, а великие писатели, художники, мыслители, политики-реформаторы, великие военачальники. Что же касается русской коррупции, то это просто чушь. После февральских событий 1917 года была создана комиссия, которая проверяла работу царских министерств. Проработав полгода, они убедились — никакой коррупции не было.

Моё предложение вытекает из нашей истории. Я предлагаю вернуться к ситуации, когда высшей ценностью является мораль. Собственно, мораль — это те правила, которые позволяют сохранять жизнь как таковую. А уже потом следует демократия, которая может

ее развивать. Т.е. демократия действует до тех пор, пока она не нарушает нормы морали. Устраивать выставки, высмеивающие православие и другие традиционные и общепризнанные нормы и ценности на том основании, что «я свободен и имею право», — это абсурд.

— **В какой мере границы нашей страны естественны?**

— Границы менять нельзя. В СМИ запущена формула, что все империи распались, а Россия — империя... Но распад России никак не следует из исторической логики. Из неё вытекает целостность и единство страны. Распадаются те империи, в которых народы делятся на первый, второй и третий сорт, как в Британской империи. А в России все народы были на равных, и от этого нельзя отходить.

— **Но людей с неславянской внешностью полиция останавливает чаще.**

— Нынешнее состояние страны — болезнь, а не норма. Того, что возникло в последние годы, не было никогда раньше. Сегодня и русские государствообразующим народом не являются. Не существует таких каналов, которые позволили бы русским управлять страной. Правит страной номенклатура. И единственная политика, которая проводится, это политика самосохранения номенклатуры. *Власть поддерживает Русскую (правильнее, пожалуй, все-таки Российскую) православную церковь потому и до тех пор, пока церковь абсолютно лояльна и поддерживает власть. Но одно дело — лояльность в Российской империи, и другое — лояльность коррумпированным чиновникам. У самой церкви из-за этого уже много проблем.*

Чудовищный эксперимент, через который прошла наша страна, добил бы любого. Если бы в США сорок лет ГУЛАГ бесчинствовал и гзбисты налево и направо расстреливали собственных граждан, не знаю, поднялись бы они на ноги или нет. Наши соседи в Восточной Европе сорок лет жили под красным террором, но у них осталось поколение людей, которые могли рассказать, как было до того. У нас ситуация на порядок сложнее.

— **В какой мере можно считать, что идея нашего государства — это Путин? Что на нем всё держится?**

— Путин — это человек, который в результате трансформации политической системы оказался её главным выразителем. Человек вообще не может быть идеей, он может быть носителем и выразителем идеи. В результате произошедших изменений народ у нас отстранён от политической и экономической жизни, духовно-культурная активность общества также крайне ограничена. Правда, стимулируется антикультурная активность.

— **Какую идею выражает Путин?**

— Он — выразитель власти номенклатурно-коррумпированного класса.

Об интервью И.Б. Чубайса просила редакция газеты «Новые известия». Сокращённый текст был опубликован 1 августа. Следуя традиции, начатой с публикации «Мастера и Маргариты» мы дали наклонным курсивом изъятые фрагменты.

Татьяна Артёмова

Охота к перемене мест

Мода на перемену губернаторов достигла, наконец, и Северной столицы. 31 августа в Большом зале Мариинского дворца состоялась церемония официального вступления в должность нового городского главы. Законодательное собрание Санкт-Петербурга по представлению Президента России Дмитрия Медведева наделило полномочиями губернатора Санкт-Петербурга Георгия Полтавченко. За это проголосовали 37 депутатов, пятеро воздержались, против не высказался никто.

Вслед за мэром Москвы покинула свой высокий пост и Валентина Матвиенко. С той, правда, разницей, что её судьба и карьера не вызывают опасений. Изначально планировалось, что женщина-губернатор займет место председателя Совета Федерации, освободившееся после впавшего в немилость Сергея Миронова.

Партия была сыграна практически безупречно. О готовности сложить с себя депутатские полномочия, чтобы предоставить губернатору Петербурга возможность принять участие в муниципальных выборах, заявило больше полусотни муниципальных советов. Ре-

зультаты 21 августа превзошли все ожидания. Больше 90 процентов пришедших на выборы жителей отдали за неё свои голоса.

Недоброжелатели, правда, прокомментировали сокрушительный успех так: «Одна треть наиболее организованных и зависимых от властей избирателей муниципального округа “Красненькая речка”: чиновники, работники бюджетных учреждений, военнослужащие и пенсионеры — пришли на выборы и большинством в девяносто с лишним процентов послали Матвиенко... депутатом в муниципальный совет».

Прежде чем депутаты нашего ЗакСа смогли направить Валентину Ивановну своим представителем в верхнюю палату российского парламента, она должна была избраться в муниципальный совет. Этого требовала процедура. Чтобы попасть в Совет Федерации и впоследствии стать спикером СФ, как рекомендовал президент России Дмитрий Медведев, который поддержал кандидатуру Матвиенко.

Впрочем, не все горожане относятся к Валентине Ивановне с равным энтузиазмом. Снежные зимы последних лет вкуче со злосчастной программой «Кров-

ли Петербурга» усугубили естественное недовольство властью, выростив целую социальную прослойку — «пострадавших от протечек», хоть и тонкую, но исполненную не менее пламенных чувств, чем, скажем, защитники исторического центра Петербурга.

Когда-то Галина Старовойтова, одна из самых известных российских женщин-политиков, на пресс-конференции, совпавшей с назначением В.И. Матвиенко министром труда, заметила: «В поезде Москва-Петербург люди вели себя по-разному: одни болтали, другие спали или пили, а Валентина Ивановна учила английский».

Эта черта — старательная добросовестность — помогла ей сколотить команду, которая добилась немало. Северная столица признана самым комфортным городом России. В ежегодном рейтинге самых удобных для проживания городов мира Санкт-Петербург занял 68-е место, опередив Москву, которая стоит на 70-й строчке. Лондон в этом списке занимает 53-е место, Нью-Йорк — 56-е.

Правда, изнутри это меньше заметно. Вероятно, всё же город удобен для проживания не всем. Лишь тем, кому на голову не падают сосульки, у кого не протекает крыша, у кого убирают снег во дворе и моют лестницы в парадном. Тем, кому не нужно стоять в очередях, чтобы попасть в поликлинику или устроить ребенка в детский сад. Удобно тому, кто ни разу не пытался войти с детской коляской в метро или подняться на ступени вокзалов, имеющих при современных мерах безопасности единственный вход.

И всё же нельзя отрицать, что в Петербурге уже несколько лет не повышались цены на три так называемых «социальных» сорта хлеба. И уровень безработицы в регионе — самый низкий в России. В шесть раз, например, увеличен городской бюджет. Есть и другие достижения, которые неблагодарным горожанам не кажутся значимыми, потому что они уверены: так и должно быть. Забывая, что где-то бывает иначе...

1991–2011

Святослав Иванов

Нас уложили на дно, как кувшины

Главный герой пьесы Дмитрия Галковского «Каша из топора» в разговоре с «представителем германского класса интеллектуалов» после слов собеседника об отсталости России упрекает его: «Берётесь судить-рядить, напыщенным тоном говорите сверхбанальности, а трагедии-то нашей жизни не понимаете. Я не имею никакого отношения к Русскому Государству. Даже Хайдеггер, роющий противотанковый ров в нацистской Германии, полностью ощущал причастность к своему миру. А я говорю: я-то тут при чём? Возьмите историю последних 75 лет России — меня там нет вообще. Да когда мне говорят «вы — русские», мне смешно. Зулус, забравшийся в сгоревший остов «форда» среди африканской саванны, имеет большее отношение к знаменитой американской компании, чем русский к русской истории».

Оглядываясь, задаю себе тот же вопрос: какое я имею отношение к истории своей страны? Я родился на полесском хуторе на севере Украины в 1957 году. Мать работала в колхозе, отец в лесничестве, затем на железной дороге. И там, и там, помню, часто менялись руководители. Были «добрые» и «злые». Особенно часто менялись председатели колхоза. И каждый уходил со своего поста, построив себе добротный дом.

Власти — советская и партийная — были так далеко от нас, что никак не персонифицировались. Мои земляки отличали «большевиков» от «коммунистов». Первые были бескорыстные борцы за идею, вторые — конъюнктурщики. О власти и истории в семье и в селе говорили в духе поговорки: подождём, пока Бог переменит Орду... Борьба с ней или как-то влиять на неё никто даже не пытался. Ни субъектами, ни участниками истории никто из моих близких себя не чувствовал. Никто никогда не спрашивал их желания, их мнения в отношении каких-то политических решений. Их регулярное волеизъявление в поддержку «нерушимого блока коммунистов и беспартийных» — не в счёт. Это был ритуал. Так же, как и наше посвящение в октябрата и комсомольцы.

Все помнили коллективизацию, раскулачивание, бесчеловечный налог, когда крестьяне рубили сады и изводили пасеки... Бесследно в ГУЛАГе исчез мой прадед по матери и первый муж моей тёти, отцовой сестры. Мама рассказывала, что после прадеда оставалась поленница наколотых им берёзовых дров. После ареста мужа прабабка так и не смогла сжечь ни одно полено. И дрова эти сгнили под забором. Моего деда по отцу спасло то, что перед самой коллективизацией он продал купленный им сельхозинвентарь и таким образом перешёл в разряд середняков.

Конечно, в памяти моих односельчан неизгладимы были и картины страшного голода 1933 года. Но самая популярная политическая частушка на хуторе была такая:

В «Посеве», в № 8 за 2011 год, опубликованы размышления Александра Серёгина «Бывшие люди» о «судьбе поколения перестройки через 20 лет после распада СССР». Предлагаем вашему вниманию ещё одну исповедь бывшего участника перестройки.

*При Ленине я жила,
При Сталине — сохла,
При Маленкове мёд пила,
А при Хрущёве сдохла...*

Хрущёв в своём стремлении перевести сельское хозяйство на индустриальные рельсы обрезал размер приусадебных участков. Земли не хватало даже для выращивания вдоволь картофеля. Мать с отцом пытались обрабатывать участки земли в лесу на полянах. Но каждый год дикие кабаны перерывали нашу одинокую ниву. Поэтому мы жили скудно. И если бы не лесные дары, то пришлось бы совсем туго.

Я смутно помню, как на хутор пришло электричество, хорошо помню первый купленный отцом телевизор «КВН», мотоцикл «Минск-1», радиоприёмник «Рекорд», по которому вместе со своим оппонентом дядей Даниилом отец слушал «Голос Америки» и радио «Свобода». Он при живых родителях с 14 лет воспитывался в коммуне беспризорных, прошёл войну, отсидел в лагерях, после был реабилитирован. В итоге очень критично относился к власти. Но, будучи старшеклассником, я, несмотря на довольно умеренное диссидентство отца, верил в «светлое будущее» и гордился своей страной. Я хорошо учился, и в 9–10-м классах меня избирали даже секретарём школьной комсомольской организации. Но ни о какой карьере по этой линии я никогда не думал. Мне уже тогда было ясно, что её могут делать люди «особого склада», отличающиеся здоровым цинизмом, изворотливостью, испытывающие должный пиетет перед начальством.

Моя вера в коммунизм и отношение к власти существовали отдельно друг от друга. А народ жил сам по себе и был доволен. Сытая жизнь у нас, по сути, началась при Брежневе. Мясо на столе появлялось не два раза в год, на Рождество и Пасху, а гораздо чаще, почти каждую неделю. Земли хватало, чтобы кормить себя и скотину. Люди как-то расслабились, распрямили плечи. Мы сумели к нашей избе-пятистенке пристроить ещё одну комнату, а камышовую крышу поменять на шиферную. Брежневский застой и сегодня видится мне эдаким золотым сном. Уже в Воронеже я услышал об этом периоде такую историю. Дед моего знакомого, бывший белоказак, отсидевший в лагерях, был непримиримым противником советской власти. Но уже при Ельцине признался своему внуку, что лучше всего Россия жила при Брежневе.

Правда, будучи студентом Киевского политехнического института, особенно после работы в стройотрядах на северах, я поменял своё мнение о стране и её лидере. Особенно поразили меня целые поля, уставленные поддонами с мешками высококачественного цемента, попавшего под дождь, пришедшего в негодность, доставленного на нашу базу в девственной тундре вертолётами МИ-6. Уже тогда мы понимали, что привезённые на газопровод за сотни километров по воздуху летающими тракторами грузы становились

золотыми. Пришедший в негодность цемент бульдозер сдвигал в овраг, и МИ-6 опять летели за новой партией. «За ценой» никто не стоял, главное был вал, объёмы. И я смутно начал осознавать, что страна с такой экономикой не может долго благоденствовать. При этом, на фоне такой расточительности, был острый дефицит элементарных товаров народного потребления. В деревне дефицит ощущался не так остро, потому что продукты в основном были свои.

После института по распределению я должен был ехать работать в Орловскую область, в город Ливны, на завод «Гидроливмаш». Но через однокашника, отец которого ходил первым помощником капитана на рыболовецких судах на Камчатке, добился распределения на суда Базы океанического рыболовства (БОР) с распиской, что, как молодой специалист, не буду претендовать на предоставление жилья по месту работы. В моём старом советском паспорте так и остался уникальный штамп с надписью «Прописан по БОР». Как в той песне: «Мой адрес не дом и не улица...» Должность на судах типа БМРТ (большой морозильный рыболовецкий траулер морозильщик) называлась — гидроакустик, электро-радионавигатор. Почему я уехал именно на Камчатку? Я думаю, тогда это был своеобразный способ уйти от действительности. Для поколения шестидесятых и моего поколения уехать на Север, на Восток — было всё равно что уйти в монастырь. Культ романтика, бродяги, покорителя Сибири и Дальнего Востока тогда тщательно культивировался. Вся страна пела бардовские песни, люди ходили в турпоходы, путешествовали. Искали себя, искали страну, где не лгут, не подличают, не гоняются за дефицитом. Лучше всего эту неизъяснимую тягу к «настоящему» выразил Юрий Кукин:

*Горы далёкие, горы туманные, горы,
И улетающий, и умирающий снег.
Если вы знаете, где-то есть город, город,
Если вы помните, он не для всех, не для всех.
Странные люди заполнили весь этот город,
Мысли у них поперёк и слова поперёк.
И в разговорах они признают только споры,
И никуда не уходит оттуда дорог.
Вместо домов у людей в этом городе небо,
Руки любимых у них вместо квартир,
Я никогда в этом городе не был, не был,
Но я ищу, я хочу и мне надо найти.*

Я родился на маленьком хуторе, и меня всё время тянуло увидеть, что «там, за горизонтом». Сегодня, на склоне своих лет, я силюсь понять, почему меня не интересовала тогда история моего рода, села, района, интереснейшая, как мне теперь стало известно, история и география моих родных палестин? Тогда моим кумиром был замечательный писатель Олег Куваев. Все его лучшие вещи — «Берег принцессы Люськи», «Розовая чайка», «Чудаки живут на Востоке», «Территория» — это гимн людям странствующих профессий, живущим на северо-восточных окраинах нашей державы. И, конечно, знаковым для того вре-

мени произведением стал роман Куваева «Правила бегства». В нём один из героев размышляет: «Во все века на Руси были убогие и неприкаянные. И во все века их тянуло в Сибирь. Здесь тебе дадут тройка вместо десяти копеек, здесь проще и легче прожить, были бы руки».

Руки у меня были. И я уходил из рейса в рейс на шесть месяцев то в Берингово, то в Охотское, то в Японское моря. Два раза по просьбе первого помощника капитана я исполнял роль комсорга судна. Но это не меняло моего отношения к власти и партии. Я видел, что членский билет КПСС был, по сути, пропуском в касту начальников. Без него тралмастер не мог стать старшим тралмастером, помощник капитана — старшим помощником, старпомом, механик — старшим механиком, «дедом» на языке моряков, и так далее. Меня такое утилитарное употребление высокой идеи, в которую я искренне верил, удручало и оскорбляло. Поэтому сам бы я никогда не стал вступать в «такую» партию... Правда, была и у меня минута колебаний и слабости в этом плане. Но об этом позже.

А сейчас поясню, что партию на рыболовецком судне представлял первый помощник капитана (на морском жаргоне «помпа»), который автоматически возглавлял и партийную организацию экипажа. С учётом того, что при высоком пае, кроме как на подвахтах при перегрузках и обработке рыбы, «помпа» не был задействован, его должность скорее дискредитировала партию. По сути, на судне он был первым бездельником. Потому что его «идеологическая работа» не воспринималась всерьёз. Некоторые пытались «оживить» такую работу, читали лекции, выпускали стенгазету. Но большинство из них просто сладко бездельничали.

В апреле 1985 года в Охотском море на БМРТ «Тирасполь» мне попался именно такой «помпа»-сибарит. Заядлый картёжник, он собрал свой «клуб» и «расписывал» очередную «пулю»... А я в тот поздний вечер, задержавшись в радиорубке, увидел, как из факсимильного аппарата вместо привычного выпуска информационного вестника для рыбаков, находящихся в экспедиции, начал выходить одним сплошным текстом доклад Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачёва на апрельском пленуме... На первых же строчках я задержался и прочёл весь доклад на одном дыхании. Влажный широкий лист белой бумаги, пропитанный специальным раствором, шёл со сбоями. Иногда проступавшие на нём буквы исчезали, превращались в сплошную тёмную полосу. Но я вдруг испытал необъяснимое волнение. В словах Горбачёва были не дежурные убаюкивающие заверения об очередных победах на пути построения нового общества, а искреннее желание изменить курс... До сих пор помню ощущение прикосновения к большому событию, чувство причастности к тектоническому историческому сдвигу. Некий импульс из Кремля через тысячи километров и морских миль дошёл до меня и в один миг приобщил к истории. Я был уверен, что страна уже вступила в новый этап

своего развития, и на этом этапе я буду востребован не только в качестве гидроакустика...

Я стал писать, публиковаться в местных камчатских изданиях. Участвовал даже во всероссийском семинаре молодых литераторов в декабре 1987 года, который прошёл на Камчатке как раз во время подписания договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности между СССР и США. Помню, это событие очень вдохновило собравшихся молодых писателей, будущее рисовалось только в розовых красках. Вели семинар «западник» Юрий Щекочихин и «почвенник» Эрнст Сафонов. Мы тогда не знали, что пробегающие между ними искры были предвестниками грядущих идеологических сражений.

Не буду описывать все перипетии своей журналисткой судьбы. Моё «персональное дело» разбирали в Камчатском обкоме партии, я получал выговоры и пинки от редактора и секретарей обкома. Уже в Воронеже уволился после двух строгих выговоров из областной газеты, будучи депутатом первого демократически избранного Воронежского городского Совета народных депутатов. Кстати, первый раз приглашали меня в областную газету с условием, что я стану членом партии. Мне очень хотелось вырваться из многотиражки, и я всерьёз стал колебаться в отношении своих принципов... Но, слава Богу, тогда по норме на одного итээровца в партию на заводах принимали троих рабочих. Решение вопроса затянулось, а потом и 6-ю статью Конституции отменили. И в областную газету я пришёл уже по приглашению другого редактора и без всяких условий. После выговоров ушёл в плотники, работал в артели на реставрации храма... Там и нашло меня приглашение возглавить городской еженедельник «Берег». Главным редактором «Берега» я был назначен в октябре 1990 года. А в августе 1991-го, как всегда, поехал к матери на Украину. После аварии на Чернобыльской АЭС родителей переселили из северного полесского угла Киевской области в южный, в село Хоцки, где для переселенцев построили целый квартал новых домов. Утром 19 августа мы приехали с матерью в маленький райцентр соседней Черкасской области Драбов к сестре. На кухне её однокомнатной квартиры по приёмнику ВЭФ я и узнал о ГКЧП. Было ощущение, словно внезапно в тишину и негу тёплого летнего дня ворвались ледяные сквозняки будущей зимы. На горизонте замаячил призрак гражданской войны. Я был сильно расстроен этой новостью и вёл себя, по-видимому, не совсем адекватно. Помню, как беззвучно плакали мать с сестрой на кухне. Помню необычную тишину в квартире и на улицах. Тем же утром пошёл на переговорный пункт, позвонил в редакцию, в Воронеж, своему заместителю Алексею Егоровичу Тишанинову и попросил, чтобы на первую полосу очередного номера газеты поставили портрет Горбачёва и православную молитву «За Родину»: «Господи Иисусе Христе, Боже наш! Прими от нас, недостойных раб Твоих, усердное моление сие и, простив нам вся согрешения наша, помяни всех врагов наших, ненавидящих и обидящих нас, и не воздаждь им

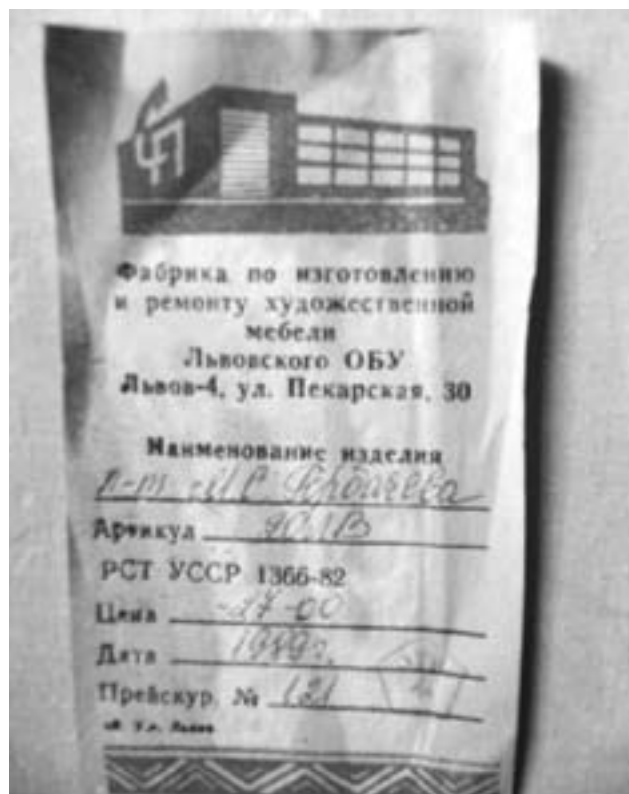
по делам их, но по велицей Твоей милости обрати их неверных ко правоверию и благочестию, верных же во еже уклонившихся от зла и творит благое. Нас же всех и Церковь Твою Святую всеильною Твоею крепостию от всякаго злато обстояния милостивне избави. Отечество наше от любых безбожников и власти их свободы, верных же раб Твоих, в скорби и печали день и ночь вопиющих к Тебе, многоболезненный вопль услыши, многомилостиве Боже наш, и изведи из истления живот их. Подаждь же мир и тишину, любовь и утверждение и скорое примирение людям Твоим, их же Честною Твоею Кровию искупил еси. Но и отступившим от Тебе и Тебе не ищущим явлен буди, воеже ни единому от них погибнути, но всем им спастися и в разум истины прийти, да вей в согласном единомыслии и в непрестанной любви прославят пречестное имя Твое, терпеливodusне, незлобиве Господи, во веки веков. Аминь».

Мой старый друг и товарищ Егорыч исполнил всё так, как я сказал... Номер «Берега» вышел с молитвой и Горбачёвым. А в то утро из переговорного пункта я бесцельно брёл по центру тихого украинского городка, пока не оказался на втором этаже районного универмага. И вдруг в отделе «культтовары» увидел портрет Горбачёва. Его цветная фотография была наклеена на толстый лист фанеры и обрамлена украинским орнаментом, выполненным резьбой по дереву. Изготовитель — Фабрика по изготовлению и ремонту художественной мебели Львовского ОБУ. Я, осознавая, что эпоха Горбачёва закончилась и подобные «изделия» скоро станут редкостью, беру портрет и направляюсь в сторону кассы. Краем глаза вижу, как напряглись остальные покупатели и продавцы. Кассирша поначалу что-то лепечет про купоны. Тогда для борьбы с дефицитом во многих регионах СССР были введены талоны или купоны, которые были призваны нормировать потребление, прежде всего, товаров первой необходимости (например, мыла, сахара и т.д.) Я шумно возмущаюсь. Какие могут быть купоны на портрет Горбачёва! Продавщица на кассе уступает. Я достаю 27 советских рублей, отдаю их кассиру и выхожу из универмага. Народ на площади с любопытством и опаской поглядывает в мою сторону, не одобряя, но и не осуждая... Так второй раз в жизни Горбачёв реально изменил не только судьбу страны, но и мою.

С 1991 года изделие львовских мебельщиков «п-т М. С. Горбачёва» всегда со мной. Моё отношение к нему двоякое. Конечно, как лидер он оказался не на высоте тех задач, которые сам и провозгласил. Он похож на человека который очень хотел управлять историческим потоком из благих побуждений, но, не имея в голове ни настоящего плана, ни стройного теоретического обоснования начатых реформ, лишь спровоцировал неуправляемую лавину, которая в конце концов смела и самого инициатора движения вперёд. Горбачёв был и остаётся очень советским лидером. И даже его западничество именно советского толка. Он никак не укоренён в русской традиции, в русской по-

чве. Если бы перед перестройкой он дал себе труд прочитать хотя бы Ивана Ильина, труды других русских мыслителей на тему «Россия после коммунизма», возможно, сценарий развития страны был бы не столь трагичен. Даже как социал-демократ Горбачёв был непоследователен и неубедителен. Мы его не любим не потому, что обманулись в нём. От того, что обманулись в своих ожиданиях насчёт перестройки и своего места в ней. Расхожее обвинение, что Михаил Сергеевич развалил Советский Союз, я не могу поддержать. Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Рафик Нишанов недавно в интервью «Известиям» сказал: «Шанс сохранить Советский Союз гипотетически существовал лишь в одном случае: если бы президентом СССР был Ельцин. Тогда всю свою неуёмную энергию он направил бы не на разрушение, а на созидание».

Но здесь я считаю, что прав Валерий Соловей: «Русские больше не могли держать на своих плечах державную ношу, политика коммунистической власти, носившая антирусский характер (сначала — открыто, затем — завуалированно), бесповоротно подорвала русскую мощь. Освобождение от шалого государства интуитивно ощущалось русскими единственной возможностью национального спасения». «Советский Союз сначала умер в миллионах русских сердец, и только потом прекратил своё существование как политико-юридическая категория и социальная конструкция. Самым ярким доказательством его внутренней исчерпанности служит отсутствие внятной и сильной реакции — элитной и массовой — на гибель страны. Родившаяся в огне и буре сверхдержава была сдана так, как сержанты сдают армейский караул, как в начале XX в. пала само-

державная монархия, “слинявшая”, по выражению Василия Розанова, в какие-то два-три дня». Конечно, страны жалко. И вместе с Геннадием Русаковым я грустно повторяю:

*Имперской нежностью мне стискивает грудь —
Я тоже по земле ходил державным шагом.
Ах, этот шёлковый, бухарский этот путь,
И ветер Юрмалы с напругом и оттягом!
Я малой малостью на свете не владел,
Но жалко общности... Земли всегда хватало.
Переточилась нить и близится предел
Единству языка и рыхлого металла.
Прощай, империя. Я выучусь стареть.
Мне хватит кривизны московского ампира.
Но как же я любил твоих оркестров медь!
Как называл тебя: «Моя шестая мира!»*

Несмотря ни на что для меня и для многих моих ровесников Советский Союз был и остаётся родной, страной нашей ностальгии. Мечта о справедливом обществе не умерла и после крушения коммунизма. Но беда нынешних коммунистов в том, что они не извлекли уроков из прошлого. Построенное на крови всё равно рухнуло бы. С Горбачёвым или без него. Нынешняя КППРФ оседлала раздражение и ностальгию старшего поколения. И по-прежнему эксплуатирует буржуазную зависть пролетария, его стремление занять место эксплуататора. А я за новый мир и нового человека. И капитализм с его алчностью можно очеловечить. Настоящий предприниматель, как указывал Генри Форд, должен ставить себе цель дать народу качественный и дешёвый товар. И только это его стремление должно поддерживать государство. Всякое сверхпотребление должно облагаться сверхналогами. А информационная политика в стране должна поощрять аристократическую умеренность и культурное развитие, нравственное совершенствование. Внутренней идеологией для России должен стать христианский социализм, солидаризм. А для внешнего употребления нам нужен национальный прагматизм, русский национализм.

С другой стороны, я благодарен Горбачёву за то, что во время его правления ощутил свою причастность к истории. Гласность горбачёвская дала возможность высказаться и реализоваться миллионам. Газета при Горбачёве — это было действительно место, где нация разговаривала сама с собой. Я счастлив, что в моей жизни были, по крайней мере, 10 лет свободного журналистского труда. Мы имели возможность по-настоящему помогать людям, бороться за справедливость, за национальную Россию. Тогда газета была реальным инструментом политики, проводником неподдельного общественного мнения. И в этом смысле Горбачёв, конечно, был демократом-романтиком. Он опирался на мнение народа, он подчинялся решениям большинства и к другим способам решения проблем не прибегал.

Сегодня мы имеем имитационную модель демократии и несвободную прессу. У нас на уровне во-

ронжского региона «зачистили» практически всех руководителей СМИ горбачёвского призыва. Тогда народ, читатель, общество были главными героями и авторами на страницах газет и экранах ТВ. А мы считали своим долгом обеспечивать диалог общества и власти. Теперь там только чиновники и предприниматели. Первые (за бюджетные деньги) и вторые (за свои) просто купили себе право «обналичивать понты». Отсюда и равнодушие народа к прессе, и вообще к человеку пишущему.

Мы живём в эпоху симулякра. Симулякр — образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие, лишённое подлинника, поверхностный, гиперреалистический объект, за которым не стоит какая-либо реальность. Симулякр — это вычищенные до блеска якобы амфоры, якобы пролежавшие века на дне Чёрного моря, якобы найденные и поднятые Путиным. Французский философ Бодрийяр, автор теории эстетического симулякра, определяет его как псевдовещь, замещающую «агонизирующую реальность» постреальностью посредством симуляции, выдающей отсутствие за присутствие, стирающей различия между реальным и изображаемым... Отражение глубинной реальности сменяется её деформацией, затем — маскировкой её отсутствия, наконец — утратой какой-либо связи с реальностью, замена смысла анаграммой, видимости — симулякром.

Нынешний режим держится на лжи. Мы лжём даже там, где лгать нельзя. В сознании народа не легитимны ни власть, ни собственность. И, главное, нет открытого честного политического соревнования идей. Прав Лимонов. С мошенником не садятся играть за один стол. Когда видят жульничество, стол переворачивают. Пока стол держится на штыках. Но это пока...

Наше поколение свою битву за Россию проиграло. Кто шебуршится, тому вешают ярлык: «экстремист». Нас уложили, как те кувшины, на дно. И никто из нас не востребован. Нас отлучили от собственной истории. А чтобы, «задрать штаны», бежать за путинским фронтом, надо в себе что-то убить. Убить мечту о настоящей России. Но без неё жить будет ещё противнее. Да и как жить без этой мечты?

г. Воронеж, август 2011 года

Валерий Сендеров

Интернационалист Гитлер и патриот Сталин

Вто время как СССР головокружительно эволюционировал к национал-большевизму, Третий Рейх решительно интернационализировался. Разнонаправленные, не совпавшие по времени, процессы эти имели одну причину и единую цель. В путях же к цели, в методах достижения её Союз и Рейх существенно различались. Несходство было в основном в деталях — но именно в деталях, определяющих успех. В интересах понимания собственной истории нам полезно рассмотреть все эти вопросы.

В литературе мы часто сталкиваемся с фактами интернационализации Рейха в последние годы войны; но у нас нет возможности оценить их. Оценить суммарно, во всей их значимости и глубине. Читая, скажем, в недавно переизданной книге Казанцева о съезде представителей стран «Новой Европы», мы воспринимаем его как рутинное, «фоновое» событие. Ну, собрали руководители Рейха совещание из своих союзников. Что тут особенного, что неординарного за этим съездом могло стоять?

В нормальной стране — ничего, разумеется. Но Рейх был государством идеологическим. Совещание, для пользы дела? Извольте, у начальства для этого — закрытые кабинеты есть. Но демонстративное, напоказ — зрелище какой-то там «Новой Европы»... В области идеологии нацисты отнюдь не искали соратников. Вспомним колоритную сцену, она повторяется у разных мемуаристов. Спрошенный об отношении к нацизму «неариец» глубокомысленно отвечал: «Фюрер говорит, что национал-социализм — не товар для экспорта». Не по зубам нам, то есть, эта премудрость, — и «начальству» приходилось удовлетвориться таким ответом.

И вот на этом фоне, года два-три спустя: «Мы вместе под водительством великой Германии начинаем строить Новую Европу»... Это было отголоском идей, о которых мы недавно уже писали.

Родившихся на рубеже XVIII–XIX веков идей космополитического национализма. Чувство немецкого патриотизма необходимо пробудить. Ибо Германия, только Германия — зародыш грядущей реставрации общехристианских ценностей Средневековья. Так писали Новалис, Шлегель, Мюллер, Шиллер...

Но какое отношение имеет всё это к XX веку, к нацизму? К нацизму — никакого. По отношению к *подлинно* великой Германии нацизм оказался в положении комически-сложном. Идеология вынуждала гитлеровцев к сооружению пантеона исключительно из *своих*. Но каково же этих *своих* было им цитировать и читать! И вот, не сдержавшись, официальный идеолог, «спец по Ницше» Альфред Боймлер объявляет своего подопечного *сознательным предателем*. За франкофильскую позицию философа во время франко-германской войны. Советские «теоретики» справлялись с обрабатываемым материалом более умело...

Гитлеровская идеология была экзотичной, но тощей похлёбкой. Из вульгаризованной восточной мистики, французского плебисцитарного народолюбия, немецко-русско-английского антисемитизма... Идеи космополитического национализма поддерживали совсем другие круги: их развивала консервативная культурная элита. Внёсшая свой вклад в становление системы, быстро порвавшая с ней — но сохранившая в Рейхе некоторое влияние. «В центре столкновения стоит вовсе не различие наций, а различие двух эпох, из которых одна, становящаяся, поглощает другую, уходящую... Метафизическая, то есть соразмерная гештальту, картина этой войны обнаруживает иные фронты, нежели те, которые могли открыться сознанию её участников». Так писал, например, Эрнст Юнгер. Легко понять, какой крамолой было это «неразличие наций» с точки зрения партийного канона. «Господин Юнгер влезает в область, в которой легко не сносить головы», — предупредил писателя гитлеровский официоз.

Можно ли сказать, что идеи европейского национализма под конец восторжествовали? Верно лишь то, что им было уступлено определённое место. «Зелёный свет» власовскому движению был лишь частью общего политического зигзага. Именно зигзага — не более того. Единой цементирующей политики у Рейха не было. На уступки «европеизму» гитлеровцы пошли лишь перед лицом необратимо проигрываемой войны. И даже определённой гуманизации — на что, казалось, можно было рассчитывать при подобных зигзагах — не последовало. Рассуждения о европеизме гитлеровцы компенсировали зверствами, на которые до последних лет не решались даже они. Режим был верен себе.

Но обратимся к нашему опыту. Опыту, по сути, того же самого: сближения интернационализма и национализма. Хотя Союз, разумеется, рыл тот же тоннель с другого конца. Крутой политический поворот не мог и здесь, как представляется, обойтись без дискуссий. Конечно, под славословия Великому. Конечно, без малейшего сомнения в главных истинах коммунизма. Но сквозь всё это — что-то, наверное, можно же всегда прочитать?!

Нельзя. Ничего. Дискуссий нет. Лишением головы никто никому не угрожает. Даже в очевидных, вроде бы, случаях — всё полностью за кадром. И палач Зиновьев, и партийный интеллигент Бухарин *ментально* оставались в «марксистско-ленинском» прошлом. *Лично* они могли сколько угодно пресмыкаться перед Хозяином. Это не спасало: они принадлежали к обречённой на поголовное уничтожение когорте. Но ни явно, ни прикровенно — не скажут они за последние годы ни слова. Их убьют — *только и исключительно* — за диверсии, отравления, шпионаж.

Может, мы что-то пропустили в бесконечных выступлениях тех лет? Чтение это, мягко скажем, не из интересных... Но вот что пишет по этому поводу апологет национал-большевизма Александр Дугин. Деятель эрудированный, ловкий, искусный: любые намёки он бы учуял, во прославление сталинской советчины ухитрился истолковать...

«Именно отношение к национал-большевизму и является тем ключом, который помогает понять “эзопов” язык внутрипартийных полемик... Если опираться на формальные аспекты партийных дискуссий тех лет, то мы попадём в недешифруемый хаос парадоксов и явных противоречий. Только выделение национал-большевизма в качестве основного интерпретационного критерия позволяет выстроить всю логичную картину идейной борьбы этого периода».

Шла себе, одним словом, годами свалка под толстым пыльным ковром. Не только политическая, по Черчиллю. Но и идейная — тоже...

Напоминает всё это историю с важнейшими сталинскими бумагами. Считалось, что хранятся они у изголовья Великого, в заветном ящике личного столика. После смерти — вскрыли... Пустота...

Что ж, изучение архивов — не единственный способ познания прошлого. Да не согласятся с нами историки — художественное постижение бывает, на наш взгляд, не менее точным. Вспомним, как немецкоязычный писатель Артур Кестлер объяснил загадочное (до его книги «Слепящая тьма») предсмертное поведение «ленинской гвардии»: в логику оно не укладывалось, объяснить всё одними лишь попытками было невозможно. За поведением «гвардии» виделись *убеждения*. Но какими убеждениями можно объяснить самоубийственную клевету и ложь на процессах? В нормальное сознание это не умещалось. Но Кестлер — в прошлом видный коммунист, друг некоторых «героев» процессов — показал в романе падение и гибель бывшего комбрига и наркома Николая Рубашова. Предсмертной ложью оказывающегося Партии последнюю услугу...

Художественная убедительность образа Рубашова (Бухарина) неотразима, и «гипотеза Кестлера» сразу вошла в оборот. Но в книге Кестлера есть ещё одна гипотеза — более важная. Она касается не патологической психологии ленинских фанатиков. А сути происходившего в стране. *От чего и к чему* шёл сталинский СССР в тридцатые годы? И *чем была вызвана* необходимость этого пути?

« — За что вы расстреляли Богрова?» — спрашивает Рубашов следователя о судьбе одного из своих соратников. Убитый Богров — бывший матрос, пламенный революционер. Перед своим арестом — один из руководителей советского флота, кавалер высших военных орденов.

« — За неправильный взгляд на подводные лодки. Спор о размерах подводных лодок начался у нас довольно давно. Богров утверждал, что нам надо строить подлодки с дальним радиусом действия. Партия склонялась к малым судам. Ведь вместо одной большой подлодки можно построить три небольших. Дискуссия велась на техническом уровне. Эксперты жонглировали научными данными, приводили доводы за и против, но суть спора заключалась в другом. Строительство больших подлодок означало дальнейшее развитие Мировой Революции. А малые суда — береговая охрана — означали, что Мировая Революция откладывается и страна переходит к круговой обороне. За это выступил Первый — и Партия...»

— Богрова поддерживала старая гвардия и Народный Комиссариат по морским делам. Убрать Богрова было бы недостаточно: его следовало дискредитировать перед массами. Открытый процесс показал бы стране, что Богров саботажник и враг народа. Мы уже добились от нескольких инженеров — его сторонников — твёрдого согласия признать всё, что будет необходимо. Но Богров отказался с нами сотрудничать. Отстав от жизни на двадцать лет, он твердил до последнего дня о крупных подлодках и Мировой Революции. Ему оказалось не под силу понять, что время сейчас работает на реакцию, что Движение в Европе пошло на убыль и надо ждать следующей волны. На публичном процессе его заявления внесли бы путаницу в сознание масс. Он ликвидирован решением Трибунала».

Вот и вся суть различий. Между «Старой Гвардией» и «Первым». Хорошо бы по-троцкистски: всё сразу! Но мудрый Первый понимает: не получится. А потому — надо окопаться. Накопить сил. И военных. И идейных, внутренних. Прильнуть к родной земле, к недрам Отечества. А потом... *Защитим социалистическое Отечество!* И теперь уж — *раз навсегда!*

И синтез удался. Боевой синтез национализма и интернационального коммунизма. Власть над миром — единственная его цель. Как и сходного гитлеровского синтеза несколько позже. *Подробное* рассмотрение сталинского синтеза — отдельная тема: здесь мы хотим до конца понять *суть*. И лишь отметим: всё происходившее в СССР в тридцатые годы — подготовка к военному и идейному захвату мира. То явная, то завуалированная. Но и в последнем случае — не слишком.

В «Посеве» № 9 мы републиковали статью Георгия Федотова «Как Сталин видит историю России?» Но главная сталинская новинка — переписывание прежде всего *идеологии*. Ведь для миллионов людей осмысленная в определённом ключе история — это именно идеология и есть. Она полнокровна, постижима, реальна — в отличие от абракадабры, бессмысленно повторяемой на политкружках. И продумана сталинская история — до мелочей.

Почему одним из главных героев её стал Александр Невский? Классовым подходом возвышение князя трудно объяснить. Новым превозносимым подвигом, защитой Отечества? Да, конечно. Но героев-защитников в русской истории немало. Особое же место Александра Невского определилось *направлением* его борьбы: в Орду на поклон ездил, с Западом же бился без пощады. Этим был, без прямой пропаганды, указан народу главный враг. Враг по *менталитету*. И заложено это оказалось — на века вперёд.

(Концепция образа Александра Невского, о которой мы упомянули, — одно из ключевых мест евразийства. Как эмигрантского, двадцатых-тридцатых годов, так и нынешнего — внутрироссийского. Именно завуалированная, подспудная пропаганда и оказывается часто самой разрушительной).

Это пример из области идей. А теперь взглянем мельком на уровень их внедрения: качество пропаганды в тридцатые годы невообразимо возросло. В советской военной победе пропаганда сыграла не меньшую роль, чем террор. Но не «политрукотковская» («За Родину! За Сталина!»). А опять-таки — глубинная. Воздействующая на вековые пласты подсознания.

Стоит сравнить гитлеровские и советские военные плакаты. Гитлеровские... неплохи. Этакая декоративная возбуждающая мрачность. Воспитанных на «Валькирии» мальчиков это могло, пожалуй, и воодушевить. Советские же плакаты... Стоит взглянуть в пару, изображённую на них... На первом плане, конечно, Он. Слегка стилизованный, со строгим светлым взором — трепещите, враги! — наш, русский Сталин-воин. А за ним, в тёмной глубине — где-то уже далеко, но... — реет осеняющий, благословляющий лик первого Вождя...

Это — *несокрушимая* пропаганда. Что неудивительно. В ней задействованы *тысячелетия* гениального искусства. Традиции и приёмы византийской и русской иконописи...

Жаль, что мы так мало внимания обращаем на эти «тонкости». Одними обличениями не победить чудовище, по-прежнему нависающее над миллионами российских умов и душ.

Мирон Я. Амуся

Нападение на Всемирный Торговый Центр

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

ПАМЯТИ ПОЧТИ ТРЁХ ТЫСЯЧ ЖЕРТВ ИСЛАМИСТСКОЙ АТАКИ НА США ПОСВЯЩАЮ

Ни один американский президент не остановится даже перед применением ядерного оружия против стран-покровителей террористов в случае массовой атаки США

Профессор М. Пешкин, 1999, Аргонн

Этот день — 11 сентября — десять лет назад был для меня несколько необычным: в 10.00 утра началось моё интервью корреспонденту «Радио Санкт-Петербург» об арабском терроре в Израиле. Шла так называемая «война Осло», атаки арабских самоубийц-смертников следовали одна за другой, унося всё новые и новые жизни. Самым поразительным было отношение мировых СМИ и интеллектуалов — голос общего сочувствия бандитам перекрывал редкие высказывания сопонимания их жертвам. Именно критике общемировой позиции образованных и культурных людей решил я уделить главное внимание. Не просить сочувствия, но предупредить об общей угрозе, которая сегодня зловеще демонстрирует свою силу в Израиле, но вскоре неизбежно коснётся и других стран.

Ведущий не перегружал меня вопросами, не перебивал, лишь в начале спросил: «Так что там, в Израиле, происходит?» Почти час я безответно говорил микрофону. Закончил словами: «Если кто-то думает, что,

“скармливая” Израиль террористам, он обеспечивает себе спокойствие и безопасность, — то он жестоко ошибается. И, боюсь, получит возможность убедиться в своей ошибке довольно скоро».

Я не провидец, и, разумеется, исходил лишь из общих соображений. Не скрою, это интервью, прошедшее в виде почти часового монолога, по сути без ответной реакции ведущего, с его буквально парой равнодушных полупосторонних вопросов, произвело на меня тяжелейшее депрессивное впечатление. Я пошёл бродить по городу, оказался почти случайно в «Апраксином Дворе», с его многолюдьем и толчеёю. Беззаботность прохожих резко контрастировала с моим настроением, под влиянием которого каждый закоулочек, входы и выходы в лавки и забегаловки казались мне идеальным местом для действий террориста-самоубийцы. Подавленный, я вернулся домой. Часа в четыре жена, слушавшая радио, крикнула мне, что какие-то самолёты врезались в нью-йоркские башни-

«близнецы». Примерно через час она услышала, что здания рухнули. Моё поспешное и безапелляционное «Этого не может быть» вскоре опровергли обошедшие весь мир ужасные, воистину апокалиптические картины, которые не забуду никогда.

Множество людей в мире выражали сочувствие невинным жертвам, ряд правительств предложили США помощь. В то же время в некоторых мусульманских странах бандитский акт праздновался как достижение и победа над «неверными». Особо ликовали толпы в «Палестинской автономии». Отмечу, что эти дни десять лет назад особо подчеркнули линию раздела мира на людей и нелюдей. К последним сочли нужным присоединиться даже весьма известные левые либералы, вроде Чомского, увидевшие в происшедшем «справедливое» наказание американцев вообще и капиталистов в частности за их «издевательства над униженными и порабощёнными». Воистину, политические убеждения, даже доведенные до абсурда, часто оказываются сильнее здравого смысла, факта, элементарной, наконец, порядочности.

Наглость и чёрное мастерство террористов требовали ответа — решительного и беспощадного. Было совсем не ясно, способен ли на это имевший репутацию человека нерешительного американский президент Дж. Буш (мл.). По счастью, он, хоть и не без промедлений и колебаний, выбрал в целом правильный ответ. Была установлена организация, стоящая за терактом. Ею оказалась Аль-Каида во главе с Усамой бин Ладеном. Ему, организации и тем, кто оказывает ей помощь, США объявили войну.

Уже 7 октября, американцы атаковали захвативших власть в Афганистане талибов, которые, по данным разведки, дали бин Ладену и его сообщникам убежище. (В войне против талибов приняли участие, помимо США, ещё ряд стран.) Американцам и их союзникам удалось подавить сопротивление афганских во-

енизированных формирований, установить в крупных городах и стране в целом некое подобие современного выборного управления. Война определённо не кончена и сегодня. Есть разные прогнозы её исхода — от оптимистичных для цивилизованного мира до весьма мрачных. Определённо, однако, что если бы талибам тогда не было нанесено военное поражение, они давно уже наполнили бы мусульманские республики бывшего СССР. И либо России пришлось бы воевать с ними на территории этих республик, либо они уже вышли бы на границу с Россией. Эти малоприятные возможности могут возникнуть опять, понеси американцы и их союзники поражение в Афганистане.

От иракского диктатора Саддама Хуссейна, впрямую платившего, например, деньги террористам-самоубийцам, взрывающимся в Израиле, и поддерживавшего, как утверждало руководство США, Аль-Каиду, американский президент потребовал разорвать связи с террористами и прекратить производство оружия массового поражения — атомного, химического и бактериологического. После отказа 20 марта 2003 начались военные действия. Несмотря на огромное расстояние от США, армия Ирака оказалась неспособной выдержать удар. Широко разрекламированные лучшие соединения Саддама Хуссейна, многозначительно названные именами вавилонских древних царей-завоевателей, «Навуходоносор» и «Хаммурапи», буквально испарились. (Напомню, что Навуходоносор в 587 г. до новой эры разрушил восставший Иерусалим, ликвидировал Иудейское царство и увёл в плен большое число жителей Иудеи.) Почти без потерь для США военная операция закончилась менее чем за месяц, 15 апреля, взятием Тигрита.

Прямых доказательств наличия оружия массового поражения не нашли. Однако многие свидетельства указывают, что его элементы и документация были вывезены, вероятнее всего, в близлежащую Сирию. В этом Саддаму могли помочь верные друзья, вроде А.М. Примакова. Но спасти его от уничтожающего военного удара им не удалось. В итоге диктатор был пойман и повешен. Кончилось дело неизбежной гражданской войной, которая привела к гибели многих иракцев и к определённым, не слишком большим для такой сложной кампании, потерям среди американцев и их союзников. Перед Ираком открыли новый путь развития. Пока движение по этому пути идёт медленно, но неуклонно.

Аль-Каида, или иные международные террористические организации, провели за это десятилетие в других странах — Великобритании, Индии, Испании, на индонезийском острове Бали (с абсолютно доминирующим немусульманским населением), например, успешные удары, с большими, хотя абсолютно несопоставимыми с событиями 9/11, людскими потерями. Ничего подобного сделать в США им не удалось. Сказались изменение настроений в обществе, введение новых законов по борьбе с терроризмом, коренная реорганизация служб безопасности и некоторое везение. Разоблачением мнимой толерантности занялись общественные организации, например, чрезвычайно

активная Act for America. Исламисты пытаются заставить общество забыть трагедию и планируют построить менее чем в километре от места гибели «близнецов» мусульманский молельный дом. На пути этого замысла, по сути циничного, стала общественность. Считаю правильным, что было решено создать вблизи места трагедии новый Всемирный торговый центр. Это место было и должно остаться символом США и Нью-Йорка. «Близнецы» подобно к себе отношение заслужили. Огорчает, что возводимые здания будут несколько ниже уничтоженных — террору нельзя уступать ни в чём, ни на йоту.

Десять лет в бегах был Усама бин Ладен. Недавно его нашла американская пуля. К сожалению, Арафата, основного идеолога и практика современного террора, не казнили по приговору людского суда. Но болезнь прикончила его уже довольно давно, в 2004 г. Так желание людей воплотилось в реальность волею Бога.

В ходе последнего десятилетия радикализировалось руководство Ирана, которому, казалось, и так уже некуда идти далее по этому пути. Оно открыто говорит о своих ядерных претензиях и намеревается стать «крышей» международного террора, о желании «стереть Израиль с карты мира». Отсутствие противовеса в виде Ирака слабо повлияло на радикализацию Ирана, поскольку в отношении террора Иран сегодняшний и Ирак вчерашний не имели никаких существенных разногласий. Ликвидация в Иране безумного религиозного диктатора и вполне гармонирующего с ним политического режима Ахмадинежада — задача важная, но более сложная для военных, чем операция в Ираке, — и опыт Саддама учтён властной группой в Иране, страна побольше и, возможно, армия помощнее, да и союзники поактивнее. С другой стороны, там весьма сильна оппозиция режиму, и помощь ей может быть эффективней прямых военных действий.

В последнее десятилетие усилился агрессивный исламизм Турции, не без помощи европейцев, помешавших вступлению этой страны в Евросоюз. Но исламизация мешает туризму и хозяйственному развитию. Кроме того, агрессивность Турции сдерживает проблема курдов, которых в Турции более 20 миллионов, т. е. больше четверти населения. Их давнишнюю борьбу за независимость весьма легко поддержать извне.

Это десятилетие для Европы, не без помощи проживающих там мусульман, ознаменовалось быстрым ростом антимусульманских настроений, которые проявляются и в принятии законов, запрещающих ношение в общественных местах мусульманской одежды, закрывающей лицо, — во Франции, и об ограничении в строительстве мечетей — в Швейцарии. Растёт представительство в парламентах правых партий, требующих ограничения иммиграции мусульман и подчинения их обычаям и правилам поведения страны пребывания.

Особо значимыми, в связи с атакой 9/11, событиями этого десятилетия считаю публичные заявления канцлера Германии А. Меркель, президента Франции Н. Саркози и премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона о провале политики мультикультурализма. Про-

исходящее вижу продолжением той линии противодействия террору и порождающей его среды, которые были провозглашены президентом Бушем по следам трагедии 9/11 важнейшими военно-политическими задачами. Думаю, что рановато списали Европу как уже подавленную исламистским диктатором. Перефразируя слова М. Твена, отмечу, что, скорее всего, «слухи о смерти Европы оказались несколько преждевременными».

Это десятилетие, точнее — его последний год ознаменовался существеннейшими изменениями на Ближнем Востоке, где пришедшие, или, вероятнее всего, приведенные в движение агитаторами, толпы смели несколько устоявшихся политических режимов. Я имею в виду Тунис и Египет. Думаю, что это не прямой результат реакции США на события 9/11, но определённо связаны с ними. Я далёк от того, чтобы ликовать по поводу этих смен власти. Но само желание перемен вполне может в чуть более отдалённой перспективе, разумеется, не сегодня или завтра, ослабить нетерпимость к другим религиям, враждебность к инакомыслию и инакомыслящим. Без этих составляющих жив был бы и сегодня голландский режиссёр ван Гог. Не находился бы под непрерывной охраной полиции автор «Сатанинских стихов» Ружди.

Буквально на днях, с прямой и довольно бесцеремонной помощью Запада, был сменён режим в Ливии, где наконец-то нашли замену явно засидевшемуся диктатору Каддафи. Радость от его ликвидации не означает, конечно, наивной веры в то, что вновь пришедшие будут много лучше. Но перемены под надзором НАТО — не худшее, что может происходить в наше время в этом мире.

Качается и режим Асада в Сирии, уже было успокоившегося под крылом покровителей с Востока после испуга, вызванного стремительным разгромом армии иракского диктатора.

Словом, прошедшее десятилетие, и особенно его последний год, ознаменовались буквально вихрем событий. Трудно уверенно сказать, чем кончится этот вихрь. Хотелось бы, чтобы в очередной раз подтвердилась весьма уязвимая для критики максима: что ни делается, то к лучшему.

Как упоминал выше, гибель почти трёх тысяч людей опечалила далеко не всех. Среди «удовлетворённых развалинами» американских зданий были не только фанатики или полубезумные левые либералы. В. В. Хатюшин (данные с его сайта: «Член Союза писателей России, поэт, прозаик, критик, публицист, автор тридцати книг, один из острейших и интереснейших писателей современности, лауреат литературных премий им. Сергея Есенина и “Золотое перо”») 11.09.2001 г. написал «Возмездие»:

*С каким животным иудейским страхом
с экранов тараторили они!
Америка, поставленная раком, —
единственная радость в наши дни.
И не хочу жалеть я этих янки.
В них нет к другим сочувствия ни в ком.*

*И сам я мог бы, даже не по пьянке,
направить самолёт на Белый дом...*

Не читывал комментарии «поэта» на последующие события этих десяти лет. Думаю, что поторопился он — другие, более близкие ему по духу, оказались «поставлены раком».

Ошибившийся «поэт» явно не одинок, такие явно не перевелись на Руси. Десятилетие трагедии в США они отметили фильмом «Специальный корреспондент. Цитадель 9/11», шедшим по телеканалу Россия с 23.15. «Корреспондентом» вранья был Е. Попов, а «ведущей» — Мария Ситтель.

Помимо документальных кадров, они в основном составили кино из интервью неких американцев, с помощью которых обосновывали вывод, будто события 9/11 были не то что спровоцированы, а просто организованы неоконсерваторами. Этот список якобы включает чуть ли не самого президента Буша и вице-президента Д. Чейни, которым нужен был повод для расправы с мусульманством во имя реализации своих гегемонистских устремлений. Прямо утверждает, что повод нужен был такой же, как в своё время американскому президенту Ф.-Д. Рузвельту Пёрл Харбор — чтобы начать войну. «Сами посудите, — говорил один из «экспертов», — кому это выгодно. Ведь не мусульманам, потерявшим в американских агрессиях десятки тысяч своих единоверцев». На кого рассчитаны такие

доводы? Ведь в сравнительно недавней войне Ирака и Ирана, когда погибло около миллиона человек, кто были погибшие с обеих сторон, как не мусульмане?

Нет ни места, ни желания разбирать всю эту «цитадель» чепухи, клеветы и мерзости. Но отмечу лишь, что найден и финансово заинтересованный в трагедии. Им оказался, понятное дело, Л. Сильверстайн (в принципе, сгодился бы и другой, лишь бы на «штейн» или на «вич», Рабинович, например), заведомо, всего за один месяц до 9/11, купивший здания Всемирного торгового центра по дешёвке, т. е. за 3 миллиарда долларов, и стремительно застраховавший их. После уничтожения «близнецов», не без некоей помощи всё того же Чейни, «о подложенной взрывчатке — все слышали», а вовсе не от врезавшихся в них самолётов («такое 1 500 архитекторов и инженеров после полугодичных исследований признали невозможным»), Сильверстайн получил страховую компенсацию в 8 миллиардов. Умеют «они» делать деньги, чёрт побери, на крови младенцев и немладенцев. А кто-то из «них», видно, особенно зловредный, продал останки зданий на металлолом китайцам — и пропали улики, чтоб шайку «их» вывести на чистую воду.

Смотреть и слушать это было стыдно и противно. Но чтобы понять глубину морального падения — полезно. К счастью, пена, пусть даже самая мерзкая, все не сама волна.

Санкт-Петербург

Илья Хандриков

Разрешение на коррупцию

Вчера позвонили журналисты одного из радиоканалов, попросили прокомментировать причину роста средней суммы взятки в России. Тема оказалась более чем интересной.

Как предприниматель я уже давно заметил реакцию разных структур государственной власти, имеющих право осуществлять контрольные функции, на любые знаковые происшествия с человеческими жертвами. Реакция первых лиц ведомств однозначна — повысить карательные меры, в первую очередь, финансового характера, то есть штрафы.

Казалось бы, логично. Государство лишило контролёров доходов, введя прокурорский контроль за ними. Другой возможности скомпенсировать потери чиновников, нежели повышением штрафов, просто не существует. Мы знаем: чем более жёстко написаны законы, несущие угрозу закрытия бизнеса из-за нарушений, тем гарантированное получение проверяющими ведомств хорошей взятки! Опросы предпринимателей по пожарным, налоговым, милицейским, роспотребнадзорским, миграционным, ростехнадзорским

и другим проверкам констатируют колоссальные изменения аппетита у контролёров.

Несколько примеров ужесточения: «Хромая лошадь» кужугетова войска, Саяно-Шушенская трагедия Ростехнадзора, постоянная гибель людей на строительных и производственных объектах охранников труда. Примеров можно назвать десятки — самолёты, корабли, а сколько ещё такого нас ждет впереди? Есть что ужесточать! Есть с чего кормиться!

Понятно, жизнь в стране с каждым днём дорожает. Разве коррупционеры не люди? Вот и средняя сумма взятки выросла до 300 тысяч рублей с памятных мне ещё недавно 60 тысяч. Возможно, я что-то путаю, но пятикратный рост в коррупционном секторе намного превышает рост инфляции в стране, выходя на ведущие позиции по росту доходов.

Вот мы и не заметили, как коррупция превратилась в суперсистему, разрушить которую невозможно, поскольку живёт она по своим чётким правилам. Главное правило поддержания системы, по мнению специалистов, не замалчивать фактов нарушения правил (законов). Это поддерживает убежденность членов общества в том, что нарушение правил происходит повсеместно, что является важным способом для формирования стереотипов и поведенческих норм. В ре-

Илья Хандриков — Председатель Оргкомитета движения «За честный рынок», эксперт НАК (Национальный антикоррупционный комитет)

зультате чего требования их выполнения от других и попытки выполнять их самим всё больше выглядят как маргинальные. Бюрократическая машина в государстве выступает как своеобразный магазин, который выдаёт права на отступление от правил.

Замечено, что они носят систематический характер, — из чего напрашивается вывод, что в данной системе есть неформальные «правила нарушения правил». «Представление о тотальности нарушения правил — это элемент политической организации и политической легитимации этого порядка. Благодаря представлению о том, что нормы нарушаются повсеместно, верхние социальные этажи оказываются не противопоставлены нижним по признаку коррупции. Поэтому постоянные разговоры о коррупции практически не ведут в этом обществе к делегитимации верхних этажей власти», — утверждают специалисты.

«Правила нарушения правил — изменчивы. Изменчивость важна для иерархической структуры управления политической организации социума. Главным оказывается тот человек, который контролирует «правила изменения правил нарушения правил». Изменчивость придаёт системе конкурентоспособность, дееспособность и устойчивость. Право на нарушение правил — это льгота.

В результате формируется правильное иерархическое общество, состоящее из трёх уровней: субъектов,

которые покупают права на нарушения правил; бюрократической прослойки, которая выдает эти права, согласно определенным правилам; политического уровня, который контролирует право бюрократической прослойки выдавать право нарушения правил. Именно этот уровень определяет, какие правила сегодня можно нарушать, а какие нельзя.

Этот механизм контроля более высокого уровня над более низким уровнем называется «борьба с коррупцией», — говорят эксперты. Вот и получается, что российская борьба с коррупцией направлена не на искоренение, а на выдачу индивидуальных разрешений на коррупцию.

Известно, что альтернативой необязательности исполнения правил (законов) является неотвратимость наказания для всех, нарушивших правила. В любом цивилизованном обществе для этого работает целая система институтов, четыре основных всем известны:

Политическая конкуренция.

1. Независимая судебная система.
2. Независимые СМИ.
3. Гражданский (общественный) контроль.

Нашей иерархической структуре управления политической организацией социума крайне опасна реальная работа этих институтов, поэтому средний уровень взятки в стране будет постоянно расти, пока наша антисистема не поскользнется на простой банановой кожуре.

Борис Соколов

Утомлённый Сталиным

Помнится, когда мы с женой посмотрели «Утомлённые солнцем-1» (тогда, наверное, и сам Михалков не знал, что это только первый фильм, иначе не убил бы так опрометчиво главных героев в финале) и выходили из кинотеатра, я сказал Люде: «Помяни мое слово, Михалков оживит комдива Котова, оживит его супругу, оживит Митю, и станет Котов командующим армией, а Митя у него — начальником Особого отдела». И вроде бы всё сбылось как по писаному! Правда, Ингеборга Дапкунайте, несмотря на, несомненно, высокий гонорар, сниматься в сиквеле не рискнула, очевидно, полагая, что выйдет развесистая клюква. И её в роли Маруси заменила Виктория Толстогоанова. Роль, впрочем, вполне эпизодическая, как, впрочем, и все остальные. Единственную главную роль вполне провально играет сам Никита Сергеевич. Всё провально в этом кино, претендующем на то, чтобы стать великим русским фильмом XXI века. Все эпизоды первой части второго фильма можно давать в любом порядке — художественности и ясности фильму не прибавит. Здесь бережно собраны все штампы отечественного и мирового военного кино, причём совсем не для того, чтобы их пародировать, а для того, чтобы на их материале построить великий эпос. Но эпос не получился. Актеры играют

привычных персонажей, не слишком напрягаясь, режиссура блистательно отсутствует. Андрей Панин в УС-2 — это его герой в «Жмурках», разбавленный образом незабвенного товарища Дынина из фильма Элема Климова. Евгений Миронов здесь — это капитан Алёхин из «В августе 44-го», правда, пониженный до старшего лейтенанта. А Сергей Маковецкий — тоже персонаж из «Жмурок», только одетый в мундир капитана СМЕРШа. Правда, смершевцы ходили в армейской форме, а Маковецкий — в энкавэдэшной красно-синей фуражке. Ну да ладно, исторические реалии перепутаны почти на каждом шагу. Всего

не перечислишь. Замечу в частности, что герой Меньшикова в 1943 году, накануне Курской битвы, — полковник НКВД, а СМЕРШ НКВД не подчинялся. Сталин специально перевёл Особые отделы из НКВД в Наркомат обороны, переименовав их в Военную контрразведку СМЕРШ и подчинив непосредственно себе как наркому обороны. Так что герой Маковецкого не должен был бы в действительности подчиняться герою Меньшикова. Но всё это мелочи по сравнению с немецкими танками, идущими в атаку под парусами-флагами. Тут Михалков (или его сценаристы) слышали звон, да не знают, где он. Над германскими танками, а также бронетранспортёрами и автомобилями действительно адели знамена с черной свастикой в белом круге. Но, разумеется, не в виде парусов, а в виде натянутых на верхнюю часть башни полотнищ, чтобы германские штурмовики и бомбардировщики не ударили случайно по своей бронетехнике.

Сам сюжет фильма получился вымученным и неправдоподобным. После ареста Котова Митя не только женится на Марусе и удочеряет Надю (которая за четыре года, прошедших между 37-м и 41-м, успела перепрыгнуть из дошкольного возраста в комсомольский), но и, как благородный человек, ухитрился заменить Котову расстрельную политическую статью на нерасстрельную уголовную. Между тем, Котова лично знает Сталин. Не случайно же он в 1943 году поручает всё тому же Мите разыскать чудом уцелевшего комдива. А раз так, то и смертный приговор Котову должен был визироваться Сталиным в составе так называемых «сталинских расстрельных списков». Избавить такого человека от расстрела, да ещё с присвоением безопасной статьи за халатность, не мог бы не только простой майор госбезопасности (один ромб в петлице), но даже Ежов и Берия. И с уголовной статьёй Котова никак не могли засунуть в подвергшийся бомбардировке в первые дни войны лагерь где-то в Западной Белоруссии, у самой демаркационной линии с Германией. Не могли просто потому, что лагерей там не было. Заключённых местных тюрем после начала войны действительно старались расстрелять, но к герою Михалкова это не могло иметь никакого отношения. Кстати сказать, Котов в лагере выглядит очень даже упитанным. Наверное, Митя его по доброте душевной ещё и на усиленный паёк поставил. И никакой логикой нельзя объяснить, что Котов добровольно остаётся на целых два года в штрафном батальоне, в который умудрился поступить ещё в 41-м году, когда штрафных батальонов в Красной Армии и в поmine не было. А в 42-м году, когда такие батальоны действительно появились, туда направляли только офицеров, а для рядовых существовали штрафные роты. Котов же старается скрыть, что он — бывший легендарный комдив, и оказывается в штрафбате как бывший зэк, ничего общего с Красной Армией не имевший. А уж добровольно остаться в штрафбате (или штрафной роте) он мог только со снятием судимости, в качестве офицера или сержанта постоянного состава, с присвоением званий и вручением

наград. Это никак не могло произойти без официальных инстанций и, соответственно, установления подлинной биографии Котова. Хотя зачем он скрывает своё прошлое, непонятно. Ведь герой Маковецкого прекрасно узнаёт Котова, памятуя, что в свое время портрет легендарного комдива был запечатлён на конфетных обёртках.

Может быть, сознавая всю неправдоподобность сюжета, не ложащегося в привычные реалистические рамки, Михалков и не стал подробно его прописывать. И в результате картина развалилась.

Провал в прокате обеих серий продолжения произошёл не из-за обилия цитат и совсем не из-за того, что «для зрителей Михалков уже не режиссёр, а чиновник от кино», как утверждал один из кинокритиков.

«Цитадель», вопреки ожиданиям зрителей, это не название немецкой операции с целью ликвидации Курского выступа в июле 1943 года, а некое мощнейшее германское укрепление, которое советские войска вот уже несколько месяцев безуспешно штурмуют. И действие разворачивается в сентябре, уже после Курской битвы. Кстати сказать, таких долговременных бетонных укреплений, представляющих собой настоящую крепость, у немцев в 1943 году на Восточном фронте вообще не было.

Главное для него — Божий промысел. Вот во время страшной бомбёжки группа солдат не уходит в укрытие, а помогает роженице, которую играет дочь режиссёра, благополучно родить. И, о чудо, только эти солдаты и уцелели, тогда как все остальные погибли под бомбами. Актёрский ансамбль подобрался неплохой, но играть актёрам нечего из-за убогости сценария, собравшего вместе основные штампы российских фильмов о войне. Например, безумный штурм цитадели в начале фильма, предпринятый штрафниками по приказу пьяного комдива, явно заимствован из «Штрафбата», вместе с актёром Романом Мадяновым, которого только повысили в звании с майора до генерал-майора (благо Эдуард Володарский — среди соавторов сценария «Цитадели»).

Некое подобие сюжета создаёт мелодраматическая линия. Оказывается, все главные герои основательно виноваты друг перед другом, и у каждого есть свой скелет в шкафу. Чекист Митя, дабы убедить Марусю разлюбить Котова, демонстрирует ей показания, которые Котов дал на неё, а потом грубо её насилует. Герой Меньшикова представлен жалким шутком, на которого неловко смотреть. Котов, под пытками оговоривший себя и своих близких, пытается превратиться в маленького человека и на плацдарме у цитадели, среди штрафников, спрятаться от карающей руки государства. Маруся же, после всего пережитого, отчаянья отдаётся белобилетнику и пьянице Кирику, олицетворяющему «маленького человека» в советских условиях, и рожает от него ребёнка. Кульминацией фильма становится возвращение Мити и Котова, уже облачённого в генеральский мундир, на дачу, где герой Михалкова узнаёт всю неприятную для себя правду, но затем вроде как мирится с Марусей и овладевает ею, почти так же, как в первой серии. В следующем кадре,

однако, Котов почему-то отправляет всех обитателей дачи, включая Марусю, в Москву, а сам остаётся (надо же куда-то сплавить персонажей, которые до конца фильма больше не пригодятся). При отъезде Кирик (постаревший Владимир Ильин) произносит историческую фразу насчёт того, что он, конечно, маленький человек, но что маленькие люди затем и существуют, чтобы были заметны такие большие люди, как Котов (и Михалков). А ещё Михалков приезжает на свадьбу в белом штатском плаще и на белом коне, совсем как Сергей Сергеевич Паратов в «Жестоком романсе», лихо расправляется с местными уголовниками и дарит жениху-инвалиду собственные командирские часы. Тут понимаешь, что русского барина играть Никита Сергеевич может, поскольку таковым себя и ощущает, а вот советского генерала или штрафника не получается.

Митя безуспешно пытается реализовать свой суицидальный комплекс, для чего даже вкладывает в руки Котову заряженный пистолет, в надежде, что тот его пристрелит. Ближе к финалу Митина мечта оказывается близка к осуществлению. Сталин просекает, что именно он спас Котова от расстрела и сплавил в лагерь по уголовной статье. Митю арестовывают, и он охотно подписывает признание в том, что является матёрым германским шпионом, в надежде приблизить конец. Но Михалков — рачительный хозяин, и никого из главных героев не убивает. Чтобы не пришлось чудесно воскрешать их из мёртвых, если вдруг доведётся снимать «Утомленные солнцем-4» — о том, как бравый командарм Котов берёт Берлин или героически в войне с Японией. Ничего невероятного в этом нет, особенно если будет солидный государственный бюджет для съёмок. Можно даже сериал снять, где в последней серии 95-летний Котов поздравляет Бориса Ельцина с победой над путчистами и со слезами умиления смотрит на российский триколор, взвизгивая над Кремлём.

Генералу Котову надо искупить грехи посерьёзнее, чем предательство любимой жены. Мы узнаём, что в гражданскую он собственноручно зарубил священника, а потом, подобно Тухачевскому, травил газами восставших тамбовских крестьян. Михалков делает ударной сценой эпизод, когда Котов идёт на штурм цитадели во главе 15 тыс. гражданских лиц, призванных с оккупированных территорий и вооружённых только палками, которые они почему-то держат на плече, вместо того, чтобы хотя бы на них опираться. Он выполняет задание Сталина: устроить избиение призывников с оккупированных территорий, чтобы остальные поняли, что отсидеться в тылу не удастся. Гибель неблагонадёжных должна ещё вернее, чем гибель обычных граждан, доказать всей Красной Армии, что другого пути, кроме пути к Победе, у неё нет. А потом Сталин планирует, продемонстрировав горы трупов иностранным фотокорреспондентам, обвинить немцев в том, что они уничтожают мирное население. Но герой Михалкова желает разделить судьбу несчастных и бодро идёт впереди них в атаку с палкой на плече, надеясь, ясное дело, на Божье чудо. И чудо,

конечно же, происходит. Немцы растеряны от такой психической атаки. Офицер говорит: «Открывайте огонь, но подпустите ещё на 500 метров. Только я за этим наблюдать не буду, я солдат, а не палач». Известно, офицеры вермахта — люди сентиментальные и человеколюбивые. Но всё кончается благополучно. Немецкому пулёмётчику на оптический прицел сел паучок. Чтобы его убрать, солдат приподнялся и был убит советским снайпером. Мышка, которая крутила у него патефонную пластинку, испугалась шума, выскочила и опрокинула керосиновую лампу. Начался пожар, который в мгновение ока добрался до артиллерийских погребов. И цитадель взлетела на воздух, да так, что от неё и следов не осталось. Как в различных компьютерных играх со стратегиями, одна из которых так и называется — «Цитадель», и в более примитивных стрелялках. Так доказывается, что немцев можно было победить не человеческим умением, а только Божьим промыслом.

Михалков отталкивался от реального явления — призыв непосредственно в части Красной Армии населения, находившегося на ранее оккупированных территориях. Из-за отсутствия обмундирования их первое время оставляли в гражданской одежде. Таких солдат немцы обычно называли «воронами», поскольку одеты те были чаще всего в черные пальто, ватники или бушлаты. «Ворон» почти не обучали военному делу и очень плохо вооружали. Одна винтовка была на троих, пятерых, а то и десятерых человек. Остальным давали сапёрные лопатки или ножи, а зачастую отправляли в бой вовсе безоружными. Впрочем, и от винтовок было мало проку, поскольку свежеспечённые красноармейцы не умели толком с ними обращаться. Однако палки им никто за ненадобностью не выдавал. Немцы никакого ужаса перед такими атаками не испытывали, безжалостно расстреливая «ворон» из орудий и пулеметов. И только удивлялись потом, как могут люди столь безропотно идти на верную смерть. Конечно, потери среди «ворон» были особенно велики, а о сбережении их жизней командование заботилось ещё меньше, чем о сбережении жизней остальных красноармейцев. Жители оккупированных территорий считались потенциально неблагонадёжными, и чем больше их погибнет в боях, тем меньше у НКВД будет работы после войны. Однако в бой их бросали вместе с обычными солдатами Красной Армии и в отдельные части никогда не сводили. Кстати, «вороны», как и другие красноармейцы, во время атак довольно часто подрывались на минах. В фильме же ни один из них на mine не подрывается. Зато когда Котов после взятия цитадели направляется в тыл, он каким-то образом попадает на минное поле, где встречает наконец свою дочь-военврача и столь же чудесно спасает её от мины, на которую она случайно наступила. В следующем кадре мы видим героя Михалкова уже со Звездой Героя, бодродвигающимся в направлении Берлина. Не очень понятно, правда, почему Сталин присвоил ему это высокое звание, если задание с цитаделью он, по сути, провалил: взял

её без потерь, тогда как надо было положить под ней 15 тыс. человек.

Михалков искренне верит, что без Божьей помощи русские немцев не победили бы. Эта схема соответствует его идеализации дореволюционной России. Тоталитаризм советского образца он не любит. Тогда потомки московских бояр были шутами при советских генсеках, а это любви к советской власти им не добавляло. Но Никита Сергеевич понимает, что теория, будто народ победил в войне не благодаря, а вопреки тоталитарной системе, вопреки Сталину, выглядит не слишком убедительно. Сталин был Верховным Главнокомандующим, руководил и армией, и государством, и отделить его от победы нет никакой возможности. Также и тоталитарную систему из победы не выкинешь.

В Первой мировой войне Россия имела союзниками Англию и Францию, с первого дня активно действовавших против главных сил Германии. И хотя поражения царской армии были менее значительными, чем поражения Красной Армии в 1941–1942 годах, уже на третьем году войны в России грянула революция, тогда как советская тоталитарная система устояла. Поэтому гораздо более удобной для Михалкова оказывается формула: народ победил в Великой Отечественной войне благодаря Божьему промыслу и собственному мужеству.

Эта формула в общем устраивает и нынешнюю российскую власть. Она вполне согласуется и с усилением роли РПЦ в обществе, и с программой десталинизации, и с имперскими замашками. Раз победили благодаря Божьей воле, то Сталин и коммунисты к победе отношения не имеют, и за расширение империи в ходе Второй мировой войны россияне корить и заставлять каяться тоже нельзя. И можно забыть, что победу обеспечило то, что Сталин завалил противника трупам.

Михалков свои самые выдающиеся фильмы («Пять вечеров», «Неоконченную пьесу для механического пианино», «Обломова» и др.) снял в жанре камерной мелодрамы. Его талант лежит далеко за пределами эпоса, и провал УС-2 это блестяще доказал. Михалков попытался соединить эпос с мелодрамой и трэшем (чтобы было как у них, в Голливуде), пожертвовав ради этой громоподобной смеси с большим числом компьютерно выпущенных кишок сюжетом как таковым и логикой развития характеров. Фильм похож на сказку о двенадцати подвигах Геракла-Михалкова (или Ильи Муромца, или Терминатора, недаром Котов носит алюминиевую перчатку, уверяя нас, что на Колыме это — дело обычное), который ни в огне не горит, ни в воде не тонет, да ещё, поднатужившись, немецкий танк за пушку поднимает. Жаль только, блоху не подковал. Но любой сказке необходим сюжет. Без сюжета получается не сказка, а абракадабра. Михалков пытается добавить сюда ещё и постмодернистские изыски, которые у него превращаются в верх пошлости: немецкого пилота, испражняющегося с крыла своего самолета на беззащитную советскую баржу и в отместку получающего прямо в задницу заряд из ракетницы.

Котова, человека очень достойного, хотя и коммуниста, хранит от смерти Бог, что и заставляет бывшего атеиста уверовать. Господь не только спасает избранных и праведных от неминуемой, казалось, смерти, но и беспощадно карает тех, кто нарушает Его заповеди. Выглядит всё это трагикомически. Тонущую Надю чудесным образом выносит на берег морская мина, после того, как её крестит утонувший священник. Надя, в свою очередь, крестит мину и отпускает её обратно на волю волн. Благодарная мина подрывает корабль, на котором эвакуируется партийная номенклатура с бюстами Сталина (не сотвори себе кумира). Номенклатура и бюсты идут на дно. Но заодно гибнут и жены и дети номенклатуры, равно как и команда корабля. А эти-то люди в чём виноваты? Не по-христиански это как-то. Или вот Надя, скрываясь от немцев, стучится в запертые избы, но никто ей не открывает. Лишь одна хозяйка ждалась, спрятала. И вот приезжают немцы, и, ничего не объясняя, сжигают всех в сараях, включая младенцев. Кроме, естественно, Нади и её спасительницы. Немцы, понятное дело, выступают в фильме в роли карающего Божьего меча. Не совсем понятно, почему потом Бог велит этот меч сокрушить. Но к фильму Михалкова вполне применимы слова о советской системе, приписываемые Брежневу: «Логика не ищи. Её нет».

Советское государство у Михалкова выступает только как сила, враждебная собственному народу. А ведь Никита Сергеевич известен как ярый государственный. Теперь же он озвучивает, пусть и со ссылкой на Бога, старый тезис либералов-шестидесятников: мы победили вопреки бесчеловечной системе и (или) Сталину. Получается, что мы победили вообще без государства. Может, поэтому в стилистике фильма преобладает эдакая анархическая вольница. Вот в УС-1 государство присутствовало не только как разрушающая, но и как созидаящая сила, хотя оно лишь создавало фон для камерной истории героев. Тогда Котов убеждал дочь, что надо очень любить свою советскую родину. И советская жизнь была показана полнокровной и радостной, несмотря на зловещую тень НКВД. А в продолжении государство вообще исчезло. А вне государственнической идеологии Михалков творить не может. Получается сплошное нагромождение киношных ужасов, вызывающих не слёзы, а смех.

Второй фильм продолжения, гордо названный «Цитаделью», отличается в лучшую сторону от «Утомлённых солнцем-2» только одним — несколько более осмысленной выстроенностью эпизодов. В остальном всё так же уныло и убого. Неудивительно, что в первый день проката «Цитадель» собрала выручки в 29 раз меньше, чем столь же провальное «Предстояние».

Главная причина провала — попытка сделать из эпохи Великой Отечественной войны сказку, где герои побеждают не благодаря своему мужеству и умению, а лишь благодаря промыслу Божьему. Зрителя такая версия победы не привлекает.

И тут мне вспомнилась моя работа у одного олигарха угля и стали. Олигарх был одержим идеей сделать всё человечество лучше путём увеличения в людях добра и уменьшения, как вы уже догадались, зла. Для достижения этой цели он хотел сделать православным всё население Земли. Сначала следовало обратиться в лоно Русской православной церкви всё население России, Белоруссии и Украины, затем — население Европы и других частей света, а в дальнейшем — инопланетян, буде такие обнаружатся во Вселенной. Мы же, группа социологов, должны были разработать для олигарха алгоритм воцерковления всего человечества. Поскольку он платил очень неплохие зарплаты (а над программой всеобщего воцерковления в период расцвета работали сотни человек), никто не рискнул ему сказать, что поставленная задача в принципе не имеет решения. Олигарх был евреем, но, поскольку считал еврейство неподходящей национальностью для той миссии, которую сам на себя возложил, то позиционировал себя в качестве грека.

Одной из главных повинностей участников проекта было присутствие на совещаниях у олигарха. Главный руководитель имел обыкновение говорить двадцать часов подряд. Лев Троцкий и Фидель Кастро с их пятичасовыми речами отдыхают. Раньше главный руководитель произносил свои речи без какого-либо перерыва, но затем, проявив истинно христианское милосердие и войдя в положение присутствующих, после первых 10–12 часов выступления стал делать двухчасовой перерыв на обед (или на ужин). Выступления могли продолжаться несколько дней подряд. Главное на этих совещаниях было не заснуть, а это трудно, когда приходится по 20–30 раз выслушивать одно и то же. Если кто-то засыпал, олигарх очень обижался. Чтобы не засыпать, люди во время совещаний смотрели фильмы, благо сидели перед мониторами компьютеров, ловко маскируя микро-наушники, или играли в тетрис, морской бой и крестики-нолики. Один московский священник, побывав на паре таких совещаний, через неделю покинул проект, в ужасе восклицая: «Антихрист! Антихрист!» Слушая речи олигарха, я понимал, как тоталитарные вожди овладевали массами, по двадцать раз подряд повторяя приятные для них банальности и, убеждая, что только вождь знает, как надо жить.

Главным средством обращения в православие всего человечества олигарх считал кино, которое для него, как и для Ленина, было важнейшим из искусств. Предполагалось снять 50 или 100 художественных фильмов по типу голливудских блокбастеров. Для их постановки предполагалось пригласить знаменитых голливудских режиссёров, вроде Стивена Спилберга, звёздный состав российских и зарубежных актёров. В производство каждого истинно православного фильма планировалось вложить десятки и сотни миллионов долларов. Считалось, что мировой успех таким фильмам гарантирован. Однако за более чем шесть лет существования проекта он не вышел из стадии подготовки сценариев. Ни один сценарий так никогда и не был одобрен главным руководителем. Участники

проекта производили великое множество текстов — сценарии, синопсисы, замечания к сценариям и синопсисам, разного рода аналитические записки и т. д., которые все в конце концов оказывались в корзине для бумаг. Сизифов труд — самый изматывающий, и все сотрудники работали не покладая рук с утра до вечера, прекрасно зная, что всё сделанное уйдёт в свисток. Вероятно, в глубине души у главного руководителя были сомнения, удастся ли воплотить в жизнь задуманное, окажут ли фильмы магическое действие на потенциальную паству. Утверждение сценария было первым шагом в производстве фильма, а значит, и приближением к неведомому конечному результату, который мог оказаться разочаровывающим. И чтобы не допустить краха мечты всей жизни, олигарх предпочитал вечно держать проект на начальной стадии, так и не одобрив полностью ни одного документа.

Далее начался кризис, мировые цены на уголь и сталь резко упали, и наш олигарх остался долларовым миллиардером только в том смысле, что у него оказались миллиардные долги. Финансирование проекта по всеобщему воцерковлению резко ужалось, и разработку сценариев временно прекратили. Олигарху пришлось больше мотаться по Европе, добиваясь реструктурирования долгов, и совещания, теперь всего лишь трёхчасовые, он теперь проводит по телефону.

Позднее я узнал, что структуры, подобно той, что реализовывала проект всеобщего воцерковления, есть и в других российских корпорациях, вроде «Лукойла» или «Базового элемента». Только к религии они никакого отношения не имеют, а разрабатывают наполеоновские планы своих руководителей по установлению господства над миром или хотя бы в своей отрасли, причём ровно с такими же результатами, как и у нашего олигарха.

«Утомлённые солнцем-2» сняты в точности по рецептам, по которым предполагал снимать истинно православные фильмы (словно кто-то из участников проекта всеобщего воцерковления Никиту Сергеевича консультировал). Здесь и творимые Богом чудеса как главный двигатель сюжета, и присутствие элементов компьютерных игр, чтобы привлечь молодёжную аудиторию, и звёздный состав участников с аллюзиями на популярные фильмы. А в результате — полный провал у зрителя. Не сомневаюсь, что такой же провал ожидал бы и «истинно православные» фильмы нашего олигарха, если бы хоть один из них был бы снят.

Продолжение «Утомлённых солнцем» наглядно продемонстрировало, что в российском кинематографе тема Великой Отечественной войны фактически исчерпана. Сейчас на сколько-нибудь профессиональном уровне снимаются только фильмы и сериалы о войне в жанре «экшн» или военного детектива, которые в достаточной мере востребованы зрителем. Но в таких фильмах события Великой Отечественной — лишь исторический фон. Большое кино, вроде «Летят журавли», «Баллада о солдате» или эпопеи «Освобождение», можно снять тогда, когда в основе картины лежит какая-то большая идея и имеется хорошая литературная подоснова. У советского военного кино

такая подоснова была в виде военной прозы 40–70-х годов, от Виктора Некрасова и Эммануила Казакевича до Юрия Бондарева, Виктора Астафьева и Василя Быкова. Если в фильмах Калатозова и Чухрая главным был человек на войне и во время войны, экзистенциальные переживания фронта и тыла, то озеровская киноэпопея призвана была показать миру величие подвига советского солдата, могущество советской военной машины, перемоловшей германский вермахт. «Освобождение» повторяло многие штампы советской пропаганды, имевшие мало общего с военной действительностью, но в художественном отношении смотрелось довольно убедительно, поражая зрителей размахом батальных сцен и прекрасными артистами, игравшими как исторических генералов и маршалов, так и безвестных солдат и офицеров — рабочих войны.

Сейчас в России нет ни хорошей литературы о Великой Отечественной войне, ни новых больших идей, связанных с этой войной и способных быть воспринятыми обществом. В советское время о войне писали либо писатели-фронтовики, либо те, кто хорошо помнил суровое военное лихолетье в тылу и рассказы отцов, старших братьев и просто друзей о фронте. Великая Отечественная была не историей, а частью жизни, самой актуальной современностью. Ныне писателей-фронтовиков не осталось. Тема Великой Отечественной стала темой исторической, подобной Отечественной войне 1812 года или Куликовской битве. Вероятность того, что большой писатель обратится к эпохе 1941–1945 годов сейчас такая же, как вероятность его обращения ко временам Ивана Грозного или Екатерины Великой. Тема Великой Отечественной войны найдёт своё художественно адекватное вопло-

щение тогда, когда новый Лев Толстой создаст новый роман, равный по своей эстетической мощи «Войне и миру», хотя совсем не обязательно в эпическом и даже в реалистическом жанре.

Представители так называемого «национально-патриотического направления» в оценке причин победы в войне вернулись к объяснению, считавшемуся официальным в 1945–1953 годах, — войну выиграла благодаря великому Сталину. Этот тезис пользуется в народе определённой поддержкой. Ему новая литература и кино не требуется. Достаточно «Падения Берлина» Михаила Чиаурели. Позднейшие официальные тезисы о победе советского народа под мудрым руководством коммунистической партии не очень популярны даже среди самих коммунистов, тоскующих о Сталине. Михалкова Сталин как главный архитектор победы не устраивал. Ведь первый фильм, «Утомлённые солнцем», был фильмом антисталинским. Он показывал нам прекрасность советской жизни, которая, однако, разрушалась благодаря действиям тирана. Он показывал нам, по словам самого же Никиты Сергеевича, чеховских интеллигентов, которых угораздило дожить до террора 37-го года. А Сталина в качестве творца победы Михалков решил заменить... на Бога. Божий промысел как главный фактор победы позволяет рассматривать Сталина в качестве ненужного довеска, только мешавшего народу победить.

В результате диалогия-продолжение лишена интриги и логически обоснованного развития сюжета. Раз всё в руках Божьих, то Бог всё равно за тебя всё решит. Надо только стремиться делать добрые дела и не делать злые. Тогда и в живых останешься, и врага победишь.

30 октября (12 ноября) исполняется 100 лет Роману Николаевичу Редлиху. Мы помещаем интервью с ним, данное в Москве в 1993 году, и статью о событиях августа 1991 года.

Человек без гражданства

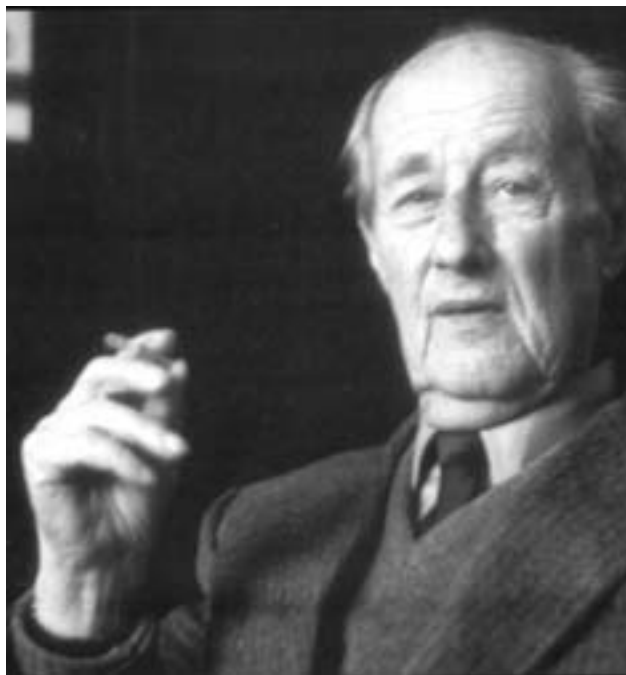
Р. Н. Редлих родился в Москве, в 1929 году окончил среднюю школу, работал слесарем на железной дороге, затем младшим научным сотрудником в Госинституте психологии, педологии и психотехники (ГИППП). В 1933 году вместе с семьей эмигрировал в Германию. В 1940 году окончил Берлинский университет со степенью доктора философии. Его учителями были выдающиеся русские философы С. Л. Франк и Б. П. Вышеславцев. В 1940 году вступил в НТСНП (НТС). В 1942–1943 годах занимался пропагандистской работой в лагерях советских военнопленных. В 1943–1944 годах создавал ячейки НТС на оккупированных территориях. С июля 1944 года находился в розыске гестапо «за антинемецкую деятельность». Скрывался под именем «капитан Воробьев». В 1946 году был избран в Совет НТС. Неоднократно избирался в Исполнительное бюро НТС. Занимался литературной, научной и педагогической деятельностью. В 1947–1955 годах возглавлял группу по изучению положения в СССР, курсы по подготовке членов НТС. В 1955–1958 годах вел радиопередачи НТС с Дальнего Востока на Россию (Тайбей, Манила, Сеул). Автор философских работ «Сталинщина как духовный феномен» (1971), «Советское общество» (1972), «Солидарность и свобода» (1984), романа «Предатель» (очередное издание — 2011). Автор многих статей в журналах «Посев», «Грани», «Наши дни», «Мыслители» и радиопередач радиостанции «Свободная Россия». С 1992 года преподавал курс философии в Гуманитарном университете Натальи Нестеровой (Москва).

— Роман Николаевич, долгие годы все мы были лишены возможности общаться с представителями русской эмиграции. Пропаганда настойчиво внушала, что эмигранты, в большинстве своём, враги Советской власти и, значит, и враги народа. В совсем ещё недавние времена невозможно было даже вообразить, что когда-то можно будет вот так запросто прямо в Смоленске беседовать с одним из руководителей НТС — одиозного Народно-трудового союза, самой зловещей антисоветской подрывной организации. И вот времена изменились...

— Да, многое изменилось. Совсем недавно я тоже не мог бы представить, что когда-нибудь смогу снова попасть в Россию. Я даже не мог мечтать получить визу. И вот теперь я вновь в России, преподаю в Москве в Гуманитарном университете. Это частный университет, который никак не зависит от государства. Студенты платят за свою учебу. У университета даже нет пока своего помещения, приходится арендовать аудитории. Но такой университет есть. Из Москвы по приглашению отца Виктора, ректора Смоленского духовного училища, я приехал сюда прочесть студентам лекции по философии.

— Именно преподавательская деятельность привела вас в Россию?

— Да. Мой долг сейчас — преподавать философию, где бы то ни было. Ведь совсем недавно это была совершенно закрытая наука. Она не была объявлена лженаукой, как генетика или морганизм, но здесь преподавали только научный коммунизм, атеизм, диамат. Всё! Люди просто совершенно не знали о существовании русской философии. Я вижу, как теперь обстоят дела с преподаванием. Есть, конечно, доктора философских наук и кандидаты, они знают Гегеля и Канта, но они понятия не имеют ни о Лосском, ни о Франке, ни о Вышеславцеве, ни о Гартмане, ни даже об Эрихе Фромме.

Роман Николаевич Редлих
1911–2005

— Вы блестяще говорите по-русски, что нечасто встречается среди эмигрантов, долгие годы проживших на чужбине. А чувствуете ли вы себя эмигрантом? Что такое эмиграция?

— Было три волны русской эмиграции. Первая — после революции. И первая, и вторая эмиграции были вынужденным бегством от большевиков. В то время как третья уже совсем не была эмиграцией. Ну, выезжали этнические немцы и немного армяне. Покидали законно одну страну, переезжали в другую, чтобы жить там всегда.

— *Когда люди добровольно уезжают из одной страны в другую, вы это эмиграцией не считаете?*

— Не считаю. Это было не эмиграцией, а лишь пополнением тех русских, которые жили в эмиграции. По существу, третья волна — это главным образом еврейская эмиграция. В Нью-Йорке выходит еврейская газета, которая называется «Новое русское слово». Так что под русскими я имею в виду русских по культуре, а не по паспорту. Например, многие этнические немцы, возвращаясь в Германию из России, убеждаются, что они вовсе не немцы, а настоящие русские. Такие люди порой приходят и к нам в НТС, хотя и не являются русскими по национальности. Пятый пункт в паспорте не играет никакой роли. Почти все старые эмигранты по паспорту сегодня являются французами, немцами, бельгийцами, американцами... Какой-то паспорт должен же быть. Куда удобнее иметь какой-нибудь французский паспорт, чем быть таким, как я сейчас — лицом без гражданства.

— *То есть вы вообще не взяли никакого гражданства?*

— Да, как было, так и осталось. А зачем? То есть в Америке это обязательно. Вы не можете постоянно жить в Америке и не стать американцем. Через пять лет вы получаете американское гражданство, и всё, баста. Там это гораздо проще, чем в Европе. Но там можно жить с любым паспортом, так же, как и в Австралии.

— *А как же вы оказались в эмиграции? Вы ведь, кажется, не оказались ни в первой, ни во второй волне?*

— Совершенно верно. Мой дед по матери был богатым человеком. Часть его капитала была вложена в Кренгольмскую мануфактуру, которая отошла к Эстонии. Таким образом, у него кое-что сохранилось, хотя, конечно, он заметно обеднел. Он был директором берлинской конторы, которая закупала хлопок, но уже главным образом в Египте, а не в Средней Азии, — готовые ткани продавались на европейском рынке. Деньги у него были, ему принадлежала значительная часть в Кренгольме. Мы жили тогда в Москве. В эпоху торгсина можно было купить себе советский заграничный паспорт за пять тысяч рублей золотом. Дед заплатил эти деньги, и мы выехали. Кстати, на моём паспорте красовалась подпись — Ягода.

— *В то время в Берлине проживало немало известных русских эмигрантов. Например, писатель Владимир Набоков. Вы его знали?*

— Нет, не знал. А читать приходилось. Он писал тогда под псевдонимом Сириус. В жизни русской колонии он принимал мало участия.

— *Вы известны как один из идеологов и руководителей НТС. Когда вы вступили в эту организацию?*

— В 1940 году.

— *А почему же вы вступили в НТС именно тогда?*

— Потому что начиналась мировая война, и надо было решаться и действовать. Надо было искать способы спихнуть большевиков. В 1938 году нацисты запретили на территории рейха все политические

организации, за исключением своей национал-социалистической партии. Но эмигрантская молодёжь продолжала общаться между собой. И хотя формально организации не было, на самом деле она существовала. Грянула война, и перед нами встал вопрос — или мы только разговоры разговариваем, или мы дело делаем. А ведь уже 16 июля 1941 года немцы взяли Смоленск. Это всё быстро произошло.

— *Тогда вы и побывали впервые в Смоленске? Что вы можете вспомнить об этом?*

— Да, хотя и очень недолго. В Смоленске в то время бургомистром был Меньшагин. В моих воспоминаниях — исключительно хороший и талантливый человек, тот, который честно налаживал жизнь. Население было брошено на произвол судьбы. Ведь в глазах Сталина кто это были? Изменники и предатели! Я на эту тему написал роман «Предатель», изданный в издательстве «Посев» и недавно в Санкт-Петербурге. Что значит предатель? В плен сдался — предатель? Не успел убежать за большевиками — и уже предатель? Меньшагин был предатель, потому что он позаботился об этом населении. За то, что он обеспечивал, чтобы в городе был водопровод, чтобы функционировала электростанция, чтобы работала баня, чтобы в городе была школа и больница. Вот что делал Меньшагин и меньшагинцы по всей оккупированной территории. Смоленск здесь просто пример.

— *Как же складывались отношения НТС с немцами?*

— Немцы, бывало, безобразничали. Когда приходили потом тыловые чиновники, так называемые «фазаны», они в жёлтой такой шкуре ходили, это были чиновники министерства оккупированных областей на Востоке, там было хуже. В прифронтовой полосе было получше: хотя и фронт близко, но немецкая армия занималась военными делами и была рада и довольна, когда люди типа Меньшагина брали дела в свои руки. Но об этом слишком долго рассказывать.

Такова вся история русско-немецких отношений во время войны, рождение Власова, судьба всех тех людей, о которых Солженицын сказал, что когда миллионы предателей, то нет никакого предательства. В немецкой армии служило около 800 тысяч русских в 1944 году. Там были казаки, были так называемые добровольно помогающие. Все эти люди тяготели к Власову, им хотелось оставаться русскими, хотя никакому Власову они не подчинялись, а подчинялись немецким офицерам. Но это длинная история.

— *Однако русская эмиграция оставила след в истории участием в сопротивлении и борьбе с фашизмом. Как же отнеслась эмиграция к Власову и РОА?*

— Эмиграция тут ни при чём, так как стала примыкать к этому движению значительно позже. Эмигрантов здорово обманули немцы в Югославии, объявив, что соберут русский корпус и пошлют его в Россию. В Югославии и была правая эмиграция, офицерство, значительная часть казаков, и они стали записываться в этот корпус. Но корпус остался в Югославии, в Россию его не повезли. В Югославии тоже открылось

партизанское движение, причём в основном коммунистическое, под Тито, хотя было ещё одно партизанское движение, которым руководил Михайлович и который был за сербского короля. Тито был коммунист, но западные союзники выбрали именно Тито и ему оказывали поддержку, Михайловичу никто не помог, и поэтому Тито получил очень большой перевес. Увы, против него и был направлен этот несчастный русский корпус. События чрезвычайно прискорбные. Жаль этих русских офицеров, жаль казаков! Это, понятно, отразилось на наших отношениях с Югославией. Я думаю, не следовало нам бороться с Тито, хотя он и был коммунист, надо было оставить их разбираться самим. Так я думаю. Но есть люди, которые думают иначе и считают, что коммунистов надо бить всегда, везде и как только можно. Такие настроения в эмиграции сильны и вполне понятны.

— *Сколько всего сегодня членов НТС?*

— Теперь можно открыто сказать, что всего около 100 человек за рубежом и 400 человек здесь, в России. Один представитель НТС есть и в Смоленске. Мы всегда были открытыми врагами большевиков и их жестокой тоталитарной системы. А столь мощное противодействие НТС свидетельствует об истинной идеологической слабости этой системы. В конце концов не выдержавшей гласности и плюрализма идей. Полагаю, в этом крахе есть и наша заслуга.

— *Каково ваше отношение к сегодняшним политическим явлениям в России? Как вы относитесь к президенту, к парламенту, к демократии, к приватизации?*

— С сомнением. Для формирования подлинной демократии ещё потребуется длительное время. Достаточно включить телевизор и увидеть эту безобразную склоку на съезде. Следует быть готовым и к тому, что в таких условиях понадобится немалое время и для налаживания хозяйства. Нужны не ваучеры, не бумажки, а подлинная приватизация государственного имущества, чтобы все люди могли им свободно пользоваться без оглядки на кого-либо, чтобы каждый, кто хочет и может, стал бы настоящим хозяином. Никто не вложит ни гроша в российские предприятия, пока в этой стране сохраняется политическая нестабильность и невозможно покупать землю.

— *Сегодня многие в нашей стране задают себе традиционные русские вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?».*

— Кто виноват? Очевидно те, кто довел богатейшую страну до банкротства, а затем устроил реформы по схеме «ГПУ», то есть гласность, перестройка, ускорение. С ускорением застоя ничего не получилось, а вот гласность раскаталась так, что вышла из-под контроля КПСС. Это и привело к нынешним глубоким историческим переменам в стране. Реформы тоже осуществляются с серьёзными ошибками. Именно поэтому жизнь народа становится всё тяжелее.

Что делать? Рецепт здесь один — работать, делать своё дело вопреки всем сомнениям и трудностям, вопреки дефициту средств и удушающим налогам. Некоторые депутаты на съездах и в парламенте полагают, что занимаются какими-то большими историческими делами, устраивая бесчисленные интриги и принимая десятки никому не нужных законов. Это типичное совковое, как теперь говорят, мышление. Живём-то мы все ещё по старой брежневской конституции с поправками, нет и работающего закона о земле. А это самое главное сегодня, ибо без конституции не может быть подлинного разделения властей, и ни один нормальный хозяин не станет возводить своё предприятие на чужой земле. Только таким путём можно обеспечить себе и другим людям достойную жизнь. Нужно трудиться, производить, а не спекулировать.

— *Из-за бурных политических передраг и потрясений многие россияне сегодня утратили чёткие жизненные ориентиры, чувствуют растерянность из-за девальвации прежних стабильных ценностей. Как им быть, как пережить это трудное время, как вновь обрести душевный покой, как преодолеть растерянность и найти новые прочные идеалы?*

— Я старый человек, много повидавший в жизни. Уверяю вас, всё непременно образуется со временем. Время лечит. Трудности закончатся. Жизнь обязательно станет легче и лучше. Поэтому никому сегодня не следует отчаиваться и унывать. Также не стоит горевать по утраченным иллюзиям.

*Интервью газете «Смена» (Смоленск),
27 марта 1993 г.*

Беседовал Л. Петроченков

Роман Редлих

Не те людишки

Учрезвычайного Государственного Комитета Учрезвычайного Положения не нашлось духа действовать по-ленински: расстрелять неорганизованную толпу москвичей, взять «Белый дом» и покончить с непокорным Ельциным. Операция была бы не намного сложнее пресловутого штурма Зимнего дворца.

Спрашивается: где была большевистская решительность? Где была марксова священная ненависть

к капитализму? Где была ленинская воля к власти? Где были славные чекисты? Где была партия, для которой диктатура, — а тем более в «чрезвычайном положении» — «есть ничем не ограниченная, никакими правилами не стеснённая, непосредственно на насилие опирающаяся власть»?

Оказалось, нет такой партии. Исчезли большевики.

Преемник главковерха Троцкого, Язов, говорят, просит отпустить его на пенсию, а преемник рыцаря

Дзержинского, Крючков, — покомфортней обустроить ему камеру. Не те в наш век пошли людишки...

Те большевики вымерли, как ихтиозавры. Никому их не жалко. Памятнику Дзержинскому, прямо напротив Лубянки, накинута петля на шею, покачали и сдёрнули с пьедестала. Говорят, и Ленина скоро отправят наконец на кладбище, к любимой маме.

Путч обернулся фарсом.

Не забудем, однако, что «нежить образа не имеет, она в личинах ходит». Так «земля крестьянам; фабрики рабочим» — было личиной. И «авангард пролетариата» было личиной, и «класс-гегемон», и «Ленин всегда с нами», и «социалистический выбор».

Сдёрнуты эти личины. Распустили КПСС.

Была прежде нежить монолитно слита, а теперь врассыпную и врозь пошла. Прежде все под вождями ходили, а теперь каждый за свой кусок. Нет больше монолита. Нет общей личины.

Но знают нелюди, что их партия была сильна, пока в лапах держала «передовое учение», посты

и деньги, а проще сказать — капитал, а по марксистско-ленински — «собственность на средства производства». Вот и кинулись в основном в экономику, к рублю, к наживе, к приватизации бесхозного партийно-государственного имущества. Благо стартовые условия неплохие, директорский опыт есть, а блат — и министру брат. Держат, кто что схватил, — кто завод, кто колхоз, а кто и целую республику ладит себе на кормление.

И личин у них теперь тьма. Тут и идеалы Октября, и защита трудового народа от свирепства свободного рынка, тут и социалистический выбор, и борьба за национальный суверенитет, тут и заботы об обездоленных и традиции христианской веры, бывшего опиума для народа...

Да не так прост народ. Передовое учение он изжил, и авангардную партию тоже. И, пожалуй, уже не скажешь, что он безмолвствует. Народ терпит и ждёт. И терпение становится грозным.

«Посев» № 6, 1991, ноябрь-декабрь

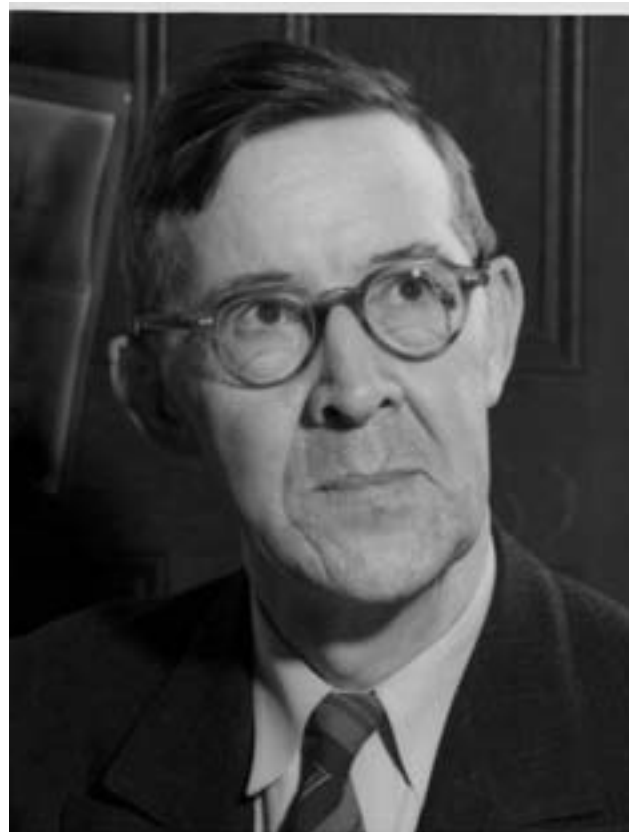
ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Вадим Сапов

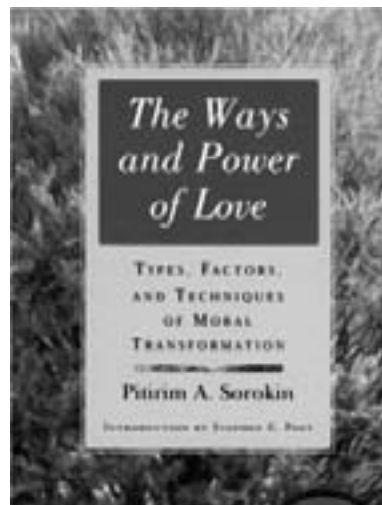
О книге Питирима Сорокина «Пути и могущество любви»

(«THE WAYS AND POWER OF LOVE»)

Книга, с фрагментами которой предстоит познакомиться читателю, была издана в США в 1954 г. К тому времени её автор Питирим Сорокин (1889–1968) давно уже приобрёл всемирную известность и признание как социолог первой величины и был самым читаемым автором в мире (разумеется, из числа его коллег-социологов). Книги его были переведены практически на все основные языки мира — на все, кроме русского. В России после высылки Сорокина из страны в 1922 г. его имя и труды, как, впрочем, и сама его наука, были преданы забвению, продолжавшемуся в общей сложности почти полвека. Единственными источниками, по которым можно было хоть что-то узнать о Питириме Сорокине (и о самом факте его существования), были две статьи Ленина: «Ценные признания Питирима Сорокина» и «О значении воинствующего материализма». Кстати говоря, именно во второй из этих статей «вождь мирового пролетариата» наделил Сорокина такими эпитетами, которые на долгие годы стали своеобразным трафаретом для оценки всех «буржуазных» идеологов и вообще инакомыслящих: «буржуазный наймит», «лакей поповщины и буржуазии» и т. д. И это всё о нём — о Питириме Сорокине. На самом деле будущий великий социолог XX века (на Западе его вместе с А. Тойнби называли иногда Аристотелем XX века) был самого что ни на есть рабоче-кре-

стьянского происхождения: мать крестьянка из зырян (прежнее название народа коми), отец — квалифицированный ремесленник. Мать умерла, когда Питириму было всего пять лет, так что единственное его воспоминание о ней — лежащей в гробу. Отец с горя начал пить, допивался до белой горячки и впадал в буйство, так что однажды Сорокин вместе со старшим братом убежал из дома, убежал навсегда, и с одиннадцати лет начал свою трудовую жизнь. Каким-то чудом получил начальное образование, зайцем доехал до Петербурга, где за три года экстерном закончил полный курс гимназии. Потом — университет, научные публикации и доклады, первая большая книга «Преступление и кара, подвиг и награда»), опубликованная, когда автору было всего 24 года и он ещё не закончил университет. Если бы не вмешалась «большая история», Сорокин побывал бы в традиционной заграничной командировке, к тридцати годам, а то и раньше, стал бы профессором, получил всероссийское и мировое признание... Но она вмешалась. Началась война, потом революция, потом большевики, гражданская война, наконец — высылка за границу. По отношению к большевикам Сорокин сразу же занял непримиримую позицию. Он ещё в 1905 г. вступил (по вполне сознательному выбору) в партию эсеров, после её раскола стал правым эсером, редактором и активнейшим автором газеты «Воля народа», секретарём (точнее говоря, референтом по социальным вопросам) главы Временного правительства А. Ф. Керенского. Всё это закончилось плохо: арестом, потом ещё одним арестом, и наконец — смертным приговором. С воспоминания об этом трагическом эпизоде своей жизни Сорокин и начинает книгу о любви. Справедливости ради надо отметить, что от расстрела Сорокина спасла именно ленинская статья «Ценные признания». Эту историю в своей автобиографии, написанной для американского читателя, Сорокин обходит молчанием. Может быть, это и правильно: героического в ней ничего не было, но не было и ничего позорного. Да, Сорокин написал и опубликовал своё «отречение», в котором заявил о выходе из партии эсеров, о сложении с себя звания почётного председателя Учредительного собрания, о прекращении всякой политической деятельности и возвращении в «лоно чистой науки». За что и был фактически помилован Лениным (расценившим это отречение как согласие буржуазии на сотрудничество с новой властью). Вскоре, однако, выяснилось, что сотрудничество это Сорокин понимает совсем не в ленинском духе. Вместо того, чтобы признать правоту марксизма и идеалов революции, этот «буржуазный наймит» (как и вся профессура, сидевший в те годы на голодном пайке, писавший свои труды в настолько холодной комнате, что замерзали чернила и их приходилось растапливать теплом своих рук) обрушился на Советскую власть с такой критикой, что она и до сих пор производит сильнейшее впечатление. Дело в том, что прекращение политической деятельности Сорокин расценивал отнюдь не как сдачу сво-

их идеологических, а уж тем более научных позиций. И в этом плане он не сделает ни одного шага назад, ни одного шага к примирению со злом, с тем, что он считал злом. Конечно, при сохранении такой позиции в Советской России делать ему было нечего. И в 1922 г. он был выслан из родной страны. После короткого пребывания в Чехословакии Сорокин вместе с женой перебрался в США, где и оставался до конца жизни. Америка стала ему второй родиной, и нам ради исторической, да и просто человеческой справедливости всегда надо писать, что Сорокин социолог русско-американский. Именно Америка предоставила ему (как, впрочем, и многим другим русским эмигрантам) возможность в полной мере реализовать свой талант и прославить не только своё имя, но и русскую науку, а стало быть, в конечном счете, и Россию.

Н. С. Тимашёв, тоже эмигрант, друг и коллега Сорокина, назвал его учение «гигантской антитезой марксизму». Сама по себе тема «Маркс и Сорокин» практически необъятна, но в самом кратком и неизбежно схематичном виде отмеченную Тимашёвым «антитезу» можно объяснить так: если в марксизме движущей силой истории оказывается классовая борьба, классовая ненависть, восстания и революции, то, согласно Сорокину, такой движущей силой является любовь. Любовь, понимаемая в самом широком смысле — от Эроса до Агапе. В промежутке между этими видами любви оказывается и то, что в Греции называлось «филией» и «каритас», и солидарность, и то, что американцы называют «добрососедством», и, наконец, просто человеческая доброжелательность. Удивительно, считает Питирим Сорокин, как это учёные-обществоведы до сих пор не обращали внимания на такой мощный и действенный фактор общественного развития, каковым является любовь. Удивительно и то, что эта книга до сих пор не переведена и не издана в России. Вот уж кому не хватает ни любви, ни солидарности, ни добрососедства, ни даже простой доброжелательности по отношению друг другу, — так это нам. Надеюсь, что настоящий перевод восполнит этот досадный пробел, а читатель, ознакомившийся с предлагаемым ему текстом, не будет разочарован и не сочтёт время, ушедшее на его чтение, потраченным напрасно.

Питирим Сорокин

Пути и могущество любви

Посвящается Эли Лилли

Предисловие

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Мф. 5; 5, 7, 9.

В 1918 году правительство коммунистической России объявило на меня охоту. Кончилось тем, что я был брошен в тюрьму и приговорён к расстрелу. Ежедневно в течение шести недель я ожидал смерти и был свидетелем казни моих друзей и товарищей по заключению. В течение следующих четырёх лет, пока я оставался в Советской России, мне довелось испытать многое; я был свидетелем беспредельного, душераздирающего ужаса от царящих повсюду жестокости, смерти и разрушения. И именно тогда я занёс в свой дневник — в качестве «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» [1] — следующие строки:

«Что бы ни случилось со мною в будущем, я твёрдо знаю, что извлёк три урока, которые навсегда останутся убеждениями моего сердца и ума. Жизнь, даже если она чрезвычайно трудна, — самое прекрасное, чудесное и восхитительное сокровище мира. Превратить её в служение долгу — вот ещё одно чудо, наполняющее жизнь счастьем. Таково моё второе убеждение. И третье — что жестокость, ненависть, насилие и несправедливость никогда не могли и никогда не смогут построить ни умственного, ни нравственного, ни даже материального Рая на земле. К нему ведёт лишь один царский путь: путь самоотверженной творческой любви, которая заключается не только в молитве, но прежде всего — в действии» [2].

Почти тридцать пять лет прошло с тех пор, как были написаны эти строки. Ни трагические события, имевшие место в эти годы, ни мои научные исследования не только ни в малейшей степени не поколебали эти мои убеждения, но даже навели меня на мысль основать Гарвардский Центр по изучению творческого альтруизма. И ныне, как никогда прежде, я твёрдо верю в следующие истины, которые полностью подтверждаются нашими экспериментальными исследованиями:

— ненависть сеет ненависть, насилие влечёт за собой насилие, на лицемерие отвечают лицемерием, и только любовь вызывает в ответ любовь;

— бескорыстная любовь обладает огромными творческими и целительными возможностями — гораздо большими, чем подозревает о том большинство людей. Любовь — это животворящая сила, необходимая для физического, умственного и нравственного здоровья;

— альтруистические личности живут дольше, чем эгоистические индивиды;

— дети, обделённые любовью, часто вырастают нравственно и социально ущербными и менее жизнеспособными;

— любовь — это самое сильное противоядие против преступных и патологических склонностей и склонности к самоубийству, против ненависти, страха и психических неврозов;

— это непереносимое условие глубокого и подлинного счастья;

— это высшая степень добра и свободы;

— это лучшее и самое действенное воспитательное средство для облагораживания человечества.

Наконец, только сила безграничной любви ко *всем человеческим существам* в состоянии победить силы, которые разобщают людей, и предотвратить надвигающееся на планету истребление человека человеком. Без любви ни вооружение, ни война, ни дипломатические ухищрения, ни полицейский надзор, ни школьное образование, ни экономические или политические меры, ни даже водородная бомба не смогут предотвратить надвигающуюся катастрофу. Только любовь может совершить это чудо, при условии, разумеется, что мы глубоко познаем природу любви и эффективные способы её производства, накопления и использования.

К сожалению, мы знаем об «энергии любви» гораздо меньше, чем о свете, теплоте, электричестве и прочих видах физической энергии. «Просто диву даешься, как мало внимания уделяли эмпирические науки такой теме, как любовь, — справедливо замечает А. Маслоу. — Особенно странно молчание психологов. Иногда, листая учебники по психологии или социологии, испытываешь прямо-таки чувство досады или грусти, поскольку ни в одном из них нет ничего на эту тему... А чаще всего дело доходит до полного абсурда. Как правило, даже и само слово “любовь” в них не упоминается» [3].

В настоящий исторический момент расширение наших знаний о благотворности любви стало настоятельной необходимостью для человечества, поэтому фундаментальные исследования в этой области должны получить приоритет по сравнению с исследованиями практически во всех других сферах знания.

Настоящая работа вместе с издаваемым одновременно с ней сборником статей «Forms and Techniques of Altruistic and Spiritual Growth» являются моим посильным вкладом в это великое дело. Принимая во внимание громадность задачи, этот вклад следует признать чрезвычайно скромным по сравнению с совокупностью тех исследований, которые надо было бы про-

вести. И всё же, пока лучшие мозги бьются над решением других проблем, в том числе и над изобретением средств массового уничтожения, пока правительства поощряют войны, а воспитатели заняты только тем, что разжигают чувства интеллектуального превосходства и племенного патриотизма у своих подопечных, в то время как духовные пастыри в большинстве своём вовлечены в межплеменные крестовые походы против всевозможных врагов, — в такой ситуации кто-нибудь и где-нибудь, но должен же посвятить себя изучению чуда любви, пусть даже его возможности не очень-то позволяют ему справиться с этой задачей. *Feci quod potui, faciant meliora potentes* [4], — вот моё оправдание за многочисленные недостатки этого вклада.

Начинается книга с очерка различных аспектов любви, её пяти измерений, её могущества и способов её производства, накопления и распределения.

Во второй части предпринята основательная ревизия преобладающих теорий структуры личности. Ревизия произведена не только из-за ошибочности современных теорий, но и по причине их неспособности обеспечить возможность творческого единения и альтруистического преобразования человеческих существ.

В третьей части речь идёт о том, как и почему апостолы бескорыстной любви сумели подняться на такую нравственную высоту. Каковы основные типы альтруистов? Какими факторами обусловлено их творческое развитие? Какими средствами они пользовались для того, чтобы добиться преобразования своей личности? Анализ этих проблем проливает некоторый свет на загадку творческой гениальности вообще и гениальности, проявляющейся в самоотверженной любви, — в частности.

Пользуясь случаем, хочу выразить самую глубокую благодарность фонду «Lilly Endowment» и г-ну Эли Лилли за финансовую помощь, которую они оказывали мне в ходе проведения настоящего исследования. Посвящение книги Эли Лилли — всего лишь бледная тень моего глубокого уважения к той щедрости, которую они проявили по отношению к нашему Центру

и ко мне лично. Среди многих лиц, помогавших мне в ходе проведения этого исследования, я хотел бы особо выделить и поблагодарить д-ра С. Г. Пушкарёва, д-ра К. Андраде, д-ра Эшли Монтею, г-на Френсиса Смита, г-на Роберта Хансона, а также студентов Гарвардского университета и Радклифф-колледжа. Кроме того, я глубоко признателен д-ру Лючио Мендиета-и-Нуньесе и Национальному университету Мехико за разрешение перепечатать здесь на английском языке текст моей статьи «Estructura Mental y Energias del Hombre», опубликованной Национальным университетом Мехико, а также за степень доктора Honoris Causa, присужденную мне этим старейшим университетом на американском континенте по случаю его 400-летнего юбилея; издательству «Julian Press» — за разрешение перепечатать мою статью «Сила творческой любви», опубликованную в сборнике «The Meaning of Love», изданном под редакцией Эшли Монтею; журналам «Arhiv fur Rechts- und Sozialphilosophie» и «Revista International de Sociologia» за разрешение перепечатать мою статью «Polarizacion en la Frustration y en las Crisis», а также зарубежным издателям и переводчикам моих трудов на основные европейские и азиатские языки. Наконец, мне хотелось бы поблагодарить всех тех, кто оказывает — часто из своих весьма скромных доходов — финансовую помощь Гарвардскому Центру по изучению творческого альтруизма.

*Питирим А. Сорокин
Гарвардский Центр
по изучению творческого альтруизма*

1. Заключительные строки «Посвящения» к «Евгению Онегину» (Пушкин А. С. Собр. соч. в 10-ти т. М., 1981. Т. 4. С. 5).

2. Sorokin P. A. Leaves from a Russian Dairy. Boston, 1950. P. 310.

3. Maslow A. H. Love in Healthy People//Montagu A. (ed.). The Meaning of Love. New York, 1953. P. 57–58.

4. Я сделал всё, что мог, кто может, пусть сделает лучше (лат.).

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Олег Волконский

Как Жуков попал в Тьмутараканское княжество

История, как кто-то сказал, это «искусство, пытающееся стать наукой». Многие из «художников», пытающиеся стать «учёными», вертят этой «наукой» в свою сторону: одни — по убеждению, а некоторые, как бывало в советские времена, — по инстинкту самосохранения. Это не значит, что сегодня на Руси нет настоящих историков, которые правды не боятся, её пишут и называют вещи своими именами. Они есть. Их довольно много. И с каждым днём становится всё больше. Они спасают честь своей страны,

во многих случаях за нищенские деньги и миниатюрные тиражи.

Потому что за правду не платят. Платят за ложь.

Среди заслуженных историков, сделавших хорошую карьеру под диктовку КПСС ещё при советской власти, есть и такие, которые будут держаться «до победного конца» и в постсоветском режиме. Эти люди не могут, не умеют, но, скорее всего, и не хотят изменить свои взгляды. Так удобнее: жить в зоне комфорта унаследованных мифов. При любом коммунистиче-

ском режиме есть только один работодатель — государство. И историк при таком режиме такой же государственный служащий, как, скажем, военный, почтальон, машинист, чиновник, дворник, балерина или уборщица в Большом театре. А семью кормить надо.

Придуманно хитро. По-дьявольски. Новая уточнённая форма рабовладельчества.

Писать правду о Советском Союзе в самом Советском Союзе долгое время было опасно. Иногда смертельно опасно. Одно неосторожное слово могло иметь очень серьёзные последствия. Вот, например, Солженицын в закрытом и личном письме с фронта имел неосторожность употребить эпитет «усатый», за что угодил в ГУЛАГ на восемь лет и еле уцелел.

«Государственные СМИ, рассказывая о Великой Отечественной войне, зачастую вновь используют мифы, рождённые в советское время», — утверждает директор Государственного архива РФ Сергей Мироненко, и резюмирует: «Россия не хочет знать правду о своей истории» (2009 год).

Вне всякого сомнения, самым знаменитым и популярным русским историком в 1990–2010-е годы стал Виктор Суворов. Хотя российские оппоненты называют его не историком, а «предателем», что вполне понятно. Многих из этих товарищей почти никто не читает даже на их родине, а Виктора Суворова читают все. Ну, если не все, то миллионы, к тому же на разных языках мира. Понятно, почему эти товарищи его ненавидят, помимо того, что он вскрывает их профессиональную ложь.

По поводу истории Второй мировой войны Суворов отмечает, что маршал Жуков написал тринадцать версий своих мемуаров, и каждая новая версия противоречит предыдущей. И всё нормально, как ни в чём не бывало. Многие по сей день Жукова читают и почитают, хотя вряд ли за его творческую находчивость и яркую фантазию. В качестве примера Суворов приводит захватывающий рассказ Жукова, достойный пера Агаты Кристи. Якобы маршал Жуков или войска под его прямым командованием схватили генерала Андрея Власова. Он, по словам Жукова-де «...жить хотел, думал бежать в Америку, чемоданчик с золотом с собой прихватил».

Жуков продолжает: «На Потсдамском направлении перебежал к нам его адъютант. Сообщил, где находит-

ся Власов. Отрядили часть. Догнали. Взяли в окружение». (Можно себе представить: «перебежал к нам его адъютант» — за кого советский маршал принимает своего читателя?)

Достаточно отметить, что Потсдам находится западнее Берлина, а генерал Власов был взят (а вернее, передан в плен) юго-западнее Праги, на Пильзенском направлении, что находится даже не в Германии, а совсем в другой стране, на расстоянии нескольких сот километров южнее и восточнее Берлина и Потсдама. Что касается «чемоданчика с золотом», то у Власова при обыске была найдена весьма скромная сумма наличными в рейхсмарках, которая при падении самого рейха большой ценности не представляла.

Жуков, после того, как впал в государеву немилость и Сталин стал «крамолу» против него «ковати», был сослан подальше от греха, в «Тьмутараканское княжество» — то есть, в данном случае, в Одессу. Маршал сам был обличён в мародёрстве и хищении трофейного имущества в немалых размерах, от шедевров искусства до бытовой техники.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП (б)

«О т. ЖУКОВЕ Г.К., МАРШАЛЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА»

П61/84 20 января 1948 г.

ЦК ВКП (б), заслушав сообщение Комиссии в составе гг. Жданова, Булганина, Кузнецова и Шкирятова, выделенной для рассмотрения поступивших в ЦК материалов о недостойном поведении командующего Одесским военным округом т. Жукова Г.К., установил следующее.

Тов. Жуков, в бытность Главкомом группы Советских оккупационных войск в Германии, допустил поступки, позорящие высокое звание члена ВКП (б) и честь командира Советской Армии. Будучи полностью обеспечен со стороны государства всем необходимым, тов. Жуков, злоупотребляя своим служебным положением, встал на путь мародёрства, занявшись присвоением и вывозом из Германии для личных нужд большого количества различных ценностей.

В этих целях т. Жуков, давши волю безудержной тяге к стяжательству, использовал своих подчинённых, которые, угождая перед ним, шли на явные преступления, забирали картины и другие ценные вещи во дворцах и особняках, взломали сейф в ювелирном магазине в г. Лодзи, изъяв находящиеся в нём ценности, и т. д.

В итоге всего этого Жуковым было присвоено до 70 ценных золотых предметов (кулоны и кольца с драгоценными камнями, часы, серьги с бриллиантами, браслеты, броши и т. д.), до 740 предметов столового серебра и серебряной посуды и сверх того ещё до 30 килограммов разных серебряных изделий, до 50 дорогостоящих ковров и гобеленов, более 60 картин, представляющих большую художественную ценность, около 3700 метров шёлка, шерсти, парчи, бархата и др. тканей, свыше 320 шкур ценных мехов и т. д.

Будучи вызван в Комиссию для дачи объяснений, т. Жуков вёл себя неподобающим для члена партии и командира Советской Армии образом, в объясне-

ниях был неискренним и пытался всячески скрыть и замазать факты своего антипартийного поведения.

Указанные выше поступки и поведение Жукова на Комиссии характеризуют его как человека, опустившегося в политическом и моральном отношении.

Учитывая всё изложенное, ЦК ВКП (б) постановляет:

1. Признавая, что т. Жуков за свои поступки заслуживает исключения из рядов партии и предания суду, сделать т. Жукову последнее предупреждение, предоставив ему в последний раз возможность исправиться и стать честным членом партии, достойным командирского звания. 2. Освободить т. Жукова с поста командующего Одесским военным округом, назначив его командующим одним из меньших округов. 3. Обязать т. Жукова немедленно сдать в Госфонд все незаконно присвоенные им драгоценности и вещи.

За последнее время некоторые злые языки, и не только один Суворов, который Жукова очень не любит, говорят, что Жуков был «бездарным воякой» (заваливал трупам врага — иначе он не умел), хамом и трусом. «Люди, которые ставили памятник Жукову, знали, что он злодей и величайший военный преступник», — утверждает Суворов, и подводит такой итог: «Врать о войне начали с первого дня. И уже шесть десятков лет никак не уймутся».

Конечно — это личное мнение Суворова, но он имеет право его иметь.

По поводу Жукова и попыток постсоветской пропаганды его прославить (и одновременно реабилитировать его начальника, «эффективного менеджера», самого тов. Сталина) пишется, например, в статье русского журнала «Грани» следующее:

«Все эти на первый взгляд вроде бы весомые аргументы разбиваются об один только документ, вышедший из-под пера Жукова в его бытность командующим Ленинградским фронтом. Это шифрограмма № 4976 от 28 сентября 1941 года: “Разъяснить всему личному составу, что все семьи, всех сдавшихся врагу, будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны”.

Сталинский приказ № 270, вышедший месяцем раньше, был гораздо милосерднее. Семьи сдавшихся в плен красноармейцев он предписывал только лишать государственного пособия. Народный полководец в жестокости готов был превзойти самого диктатора. Так стоит ли ставить ему памятники? Ведь жуковский людоедский приказ предусматривал расстрел невинных женщин и детей, вплоть до грудных младенцев».

Не мною сказано. Это слова из серьёзного русского научно-исторического издания.

По советским и постсоветским понятиям — конечно, Жукову стоит строить памятники. Если сомневаетесь — прогуляйтесь по Манежной площади в Москве. Сами убедитесь.

Впрочем, после вышеприведённого приказа тов. Жукова советские лётчики избегали взлетать в бой на Ленинградском фронте против врага. Они опасались того, что, если они будут сбиты над территорией, занятой неприятелем, Жуков расстреляет их матерей, жён и детей. Это из старой большевицкой привычки, ещё из 1920-х годов. А у самого тов. Жукова был богатейший личный опыт, когда он помогал тов. Тухачевскому подавлять Тамбовское восстание при помощи ядовитых газов.

КНИГИ И ЛЮДИ

Борис Пушкарёв

О собственности и свободе в России

[Рец. на кн.:]

Горянин А. Б. *Традиции свободы и собственности в России: от древности до наших дней.* — М.: Учебный центр МФЦ, 2007. — 360 с. Горянин А. Б. *Россия: история успеха. [Книга первая] Перед потопом.* — М.: РИПОЛ классик, 2010, 334, [1] с. Горянин А. Б. *Россия: история успеха. [Книга вторая] После потопов.* — М.: РИПОЛ классик, 2010, 318, [1] с.

Судя по авторскому введению, два обстоятельства побудили Александра Горянина написать книгу «Традиции свободы и собственности в России». Первое — это «*странная застенчивость российской власти и российских элит, их неумение дать идеологическое обоснование самим себе*», мешающие «*твёрдо заявить, что исправлена досадная опечатка истории, что Россия ... вернулась к цивилизационному вы-*

бору, который однозначен и несомненен на всем её пути ... с Крещения до 1917 года.»

Второе обстоятельство (но значительно более раннее) — это появление в русском переводе книги Ричарда Пайпса «Россия при старом режиме», приобретшей большую популярность. Наиболее объёмный труд Пайпса — двухтомник о русской революции, тоже вышел в русском переводе, но не привлёк к себе такого внимания, поскольку, пишет Горянин, «тема была поиздержана». Последняя оценка — весьма спорна. В двухтомнике Пайпса для русского читателя очень много нового. Но Пайпс не щадит ни сверхлиберализм Временного правительства, ни уголовщину большевиков, что тем или иным читателям не по душе. А ругать «старый режим» пристало и либералам, и коммунистам. Двухтомником о революции, как и своей двухтомной биографией Петра Струве, Пайпс пока-

зал, что умеет серьёзно писать историю. С ранней же его книгой о России при старом режиме произошла странная метаморфоза. Она была написана в разгар Холодной войны соответственно тезису «что царь, что комиссар» с целью найти аналоги советским явлениям в дореволюционной России. Задуманная по схеме «в России всегда было ужасно» книга Пайпса теперь неожиданно пришла ко двору и либералам, и коммунистам. Именно отсюда её популярность, а вовсе не потому, что другая тема Пайпса — о русской революции — «поиздержалась».

Превратным образом тезис об отечественных корнях советского режима сегодня на руку именно коммунистам, желающим забыть, что произошли они от Маркса и Энгельса. Знаменитый английский историк Арнольд Тойнби писал: «В русской традиции не было ничего такого, что могло бы побудить русских самим изобрести коммунизм».

Тем не менее, Пайпс корни советского режима в русской истории ищет, и находит их, среди прочего, в таких явлениях, как теория вотчинного строя, при котором всё в государстве формально есть собственность монарха, или земельная передельная община, которая вовсе народной традицией не была, а насаждалась помещиками и государством для удобства сбора подушной подати.

Самоуничужение — довольно популярное занятие на Руси, и тезис «ах, у нас никогда не было ни настоящей собственности, ни настоящей свободы» удовлетворяет это чувство. Горянин же видит в «искажённой самооценке» опасность для будущего — самосбывающаяся пророчество, которого необходимо избежать.

Первый раздел книги — о собственности — автор начинает с вопроса о собственности на землю: условной или безусловной. Он показывает, что безусловная форма собственности, «отчина» или «вотчина», существовала на Руси издревле: такие земли можно было наследовать, продавать, покупать, закладывать, дарить и завещать вполне свободно, хотя некоторые ограничения со временем и появились, как то запрет на дарение земель монастырям (чтобы остановить их превращение в крупнейших землевладельцев). Условная собственность на землю — поместье — появилось много позже, в московский период. Поместье давали военным, чтобы обеспечить им возможность несения службы. Однако в сознании людей эта условная собственность быстро превратилась в безусловную. О чём мы сегодня можем только сожалеть, так как это превращение крайне затруднило упразднение крепостного права и возврат помещичьей земли крестьянам. В качестве иллюстрации того, сколь сильно было чувство земельной собственности на Руси, Горянин приводит множество судебных исков, касающихся земельных споров. Они, кстати, свидетельствуют и о том, что судебная система в Московской Руси работала.

Далее Горянин напоминает, что со времён «великого торгового пути из Варяг в Греки» и до 1917 года Россия была страной торговой, крупнейшим экспортёром, некогда пушнины, позже зерна. Законодательство Ярослава Мудрого свидетельствует о том, что уже

в Древней Руси купечество играло важную роль и финансовые отношения были высоко развиты. Портрет русского как землевладельца и торговца получается убедительный.

От Ярослава Мудрого Горянин переходит к современности — собственнический инстинкт в советское время получил частичное удовлетворение невиданным в других странах распространением дачных садовых участков (жёстко регулируемых властью), а в послесоветское время — чрезвычайно быстрым ростом владения автомобилями. Миф о том, что русский человек от природы общинник и коллективист, опровергает, по словам Горянина, жизненная практика. В этой связи уместно и вспомнить, что народные восстания эпохи Гражданской войны были в большой мере восстаниями в защиту собственности от большевических экспроприаций. Недаром Ленин видел в этих восстаниях «мелкобуржуазную», т. е. частнособственническую, стихию. Горянин стремится отделить мифы о крестьянской общине в России от её реальности.

Второй раздел книги — о свободе — даёт обзор истории представительных учреждений и самоуправления в России. Вече княжеского периода, Земские соборы Московской Руси, которые были, по сути, парламентом, хотя так не назывались, самоуправление северных городов, сельские миры по всей России, затем, уже в эпоху абсолютизма, городское самоуправление, потом земство, наконец Государственная Дума. На разных этапах Горянин сравнивает положение в России с положением на Западе, и сравнения эти, весьма часто, в нашу пользу.

Третий раздел книги («Попутное и неотъемлемое») говорит о своеобразии нашего развития, о том, как общие ценности преломлялись по-своему. Фактический материал, которым владеет автор, огромен. Излагает он его не в форме повествования, а в форме полемики, порою с большим задором. Больше внимания тому, откуда взялись взгляды оппонентов, прибавило бы книге убедительности.

В итоге можно сказать, что, если бы существовал сегодня в молодёжных организациях «курс национально-политической подготовки» наподобие того, что существовал в зарубежном НТС в 1930-е годы, то книга Горянина была бы на нём одним из обязательных учебных пособий. Пока что книгу подобным образом используют студенты-финансисты одного из московских вузов.

Более широкое распространение получила последующая книга Александра Горянина «Россия: история успеха». Она вышла в двух томах, «Перед потопом» и «После потопа».

Тон первого тома передают вводные слова автора: «Ничто не предвещало, что малочисленный юный народ, поселившийся в первые века нашей эры среди глухих лесов дальней оконечности тогдашнего мира, выйдет на первые роли в мире, создаст самое большое по территории и по ресурсам государство». Этот путь к величию империи и её культуры до 1917 года и проследивает первый том, но не перечнем известных фактов, а весьма нестандартным анализом условий, ко-

торые вели к успеху. Одно из них обобщено следующим образом: «Трудно найти расположение на глобусе более удачное, чем удалось России». И климат, и расстояния, по Горянину, не мешали, а содействовали успеху, и условия жизни в России были здоровее, чем в остальной Европе. Тяжёлые проблемы, как ордынское господство или «ловушка крепостного права», со временем всё же решались, и страна шла своим самобытным путем.

Успехи не были непрерывными, но они нарастали, и достигли вершины поздней осенью 1916 г. Стало возможным завершить Первую мировую войну победой в течение одного года. Но год выпал совсем иной. Его ход автор реалистично изображает на последних 15-ти страницах первого тома.

Катастрофа 1917-го и последующих 35-ти лет поставила под удар все успехи предыдущего тысячелетия, и Горянин именует это время «потопом», не вдаваясь в подробности. Второй том, «После потопа», посвящён выходу из этой катастрофы. Строители коммунистической утопии натолкнулись на «сопротивле-

ние материала» — народа с его частновладельческими, национальными и религиозными чувствами, которые в итоге перемололи утопию. Примерно треть книги посвящена этим системным явлениям, а остальные две трети — преобразению, происшедшему в Августе 1991 года, и его положительным последствиям. Как противовес тому скептическому брюзжанию, которое на нынешнюю Россию изливает и её собственная, и зарубежная пресса, эта часть очень важна и целебна.

Другое дело, что до здравого осознания успеха («мы победили два страшнейших тоталитаризма в истории — и чужой, нацистский, и свой, коммунистический») в народе и в его правящем слое ещё далеко. А далеко потому, что всё зло того, что Горянин эвфемистически называет «потопом», не осознано и не раскаяно. Катастрофу видят не в крушении Российской Империи, а в крушении СССР, предателями России считают власовцев, а не большевиков. Пока держатся такие извращённые координаты, оптимизм Горянина остается уделом меньшинства.

Издательский анонс

РОССИЯ: ИСТОРИЯ УСПЕХА. Издательство РИПОЛ-классик. — Москва, 2010. Книга первая — «Перед потопом» (переплёт, 334, [1] с., 22 см ISBN 978-5-386-02154-2) Книга вторая — «После потопа» (переплёт, 318, [1] с., 22 см ISBN 978-5-386-02281-5)

Новая работа **Александра Горянина**, автора известной книги «Мифы о России и дух нации» (2002). «...История России — это история успеха. Ничто не предвещало, что малочисленный юный народ, поселившийся в начале нашей эры в глухом краю лесов и болот, выйдет на первые роли в мире, создаст сверхдержаву и самое большое по территории и ресурсам государство...

...Когда в 1648 году Россия впервые вышла к Тихому океану, ее населяли 7–8 млн. человек, при Петре I — всего лишь вдвое больше. Сама возможность того, чтобы на крайне скудной экономической и демографической базе могла возникнуть могучая держава, выходит за пределы всякого вероятия — слишком много сил и факторов противостояли как её “сборке”, так и удержанию. Как нашим предкам удалось невозможное, не понять без учета фактора “Святой Руси”...

...Что из себя представляла советская разновидность тоталитаризма? Это была система силового внедрения утопического проекта в неподходящую для этого замысла страну. Большевики истребили всех явных врагов утопии — дворянство, купечество, духовенство, казачество, лучшую часть крестьянства, искалечили интеллигенцию — но цель оставалась недостижимой. Едва стальные клещи диктатуры ослабли, историческая Россия миллионами ростков и стволов пробилась сквозь щели, поры и трещины утопии, изломала и искрошила её скверный бетон, не оставив противоестественной постройке ни одного шанса уцелеть. Россия сумела вернуться к цивилизацион-

ному выбору, который однозначен на всем её пути — от Крещения и до 1917 года, вернуться к своему “я”...»

РОССИЯ: ИСТОРИЯ УСПЕХА — книга для тех, кто хочет понять нашу страну. Первая реакция прочитавших: как мне самому не пришло всё это в голову?

Рядовой россиянин любит свою родину, но ему остро нужны подтверждения того, что он прав в своей любви, — слишком часто ему намекают, что она любви не заслуживает.

Книга — долгожданный ответ авторам разной степени необразованности, плодящим мифы о России как о стране с лишними полезными ископаемыми, неудачным климатом, неудачной территорией, неудачной историей и без будущего. По каждому из этих пунктов всё обстоит ровно наоборот.

Книга — увесистый ответ капитулянтам и катастрофистам, изображающим нашу страну беспомощной жертвой мировых заговоров. «Горе народу, который усвоит психологию обиженного, — лучшие душевные силы он потратит не на созидание, а на подсчёты, кто и когда его обсчитал и обвесил».

Опираясь фактами и здравым смыслом, автор в присущей ему доходчивой афористической манере развенчивает старательно навязываемые нам идеи о необходимости мобилизационной экономики и самоизоляции, о российском «поражении в Третьей

мировой войне» и о том, что нам не выжить без миграционной подпитки.

Один из важных выводов автора: «То, что наш народ создал великую страну, не имея изначально никаких шансов на успех, — это, среди прочего, ещё и аванс истории, и он пока не вполне отработан нами».

Книга не имеет аналогов: не ограничиваясь констатациями, она дарит нам мотивирующую философию. Россия — страна победителей! Почувствуйте гордость от сознания этого факта.

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Плита в память чинов Русского Корпуса и II Головинские чтения

12 сентября 2011 года в Белграде на одном из местных кладбищ была установлена мемориальная плита в память чинов Русского Корпуса. Это событие состоялось в день 70-летия издания приказа генерал-майора Михаила Фёдоровича Скородумова, объявившего о начале формирования Корпуса.

Перед торжественным мероприятием историк, член НТС К.М. Александров сделал большой доклад о предпосылках и истории создания Русского Корпуса в 1941 году. Надпись на плите с корпусным крестом гласит: «Верному долгу воинству в изгнании, чинам Русского Корпуса в Сербии в память понесённых жертв и перенесённых страданий от русских людей в честь 70-летия со дня начала самоотверженной борьбы во имя Бога и родины. 12. IX. 1941 – 12. IX. 2011». Затем состоялось освящение мемориальной плиты и была совершена лития с поминовением командиров Корпуса и других воинов. На церемонии присутствовали тележурналисты и съёмочная группа документального фильма о Русском Корпусе.

Средства на установление плиты собирались организаторами преимущественно в России, при участии нескольких русских эмигрантов. Общее количество жертвователей и благотворителей превысило 30 человек, среди них — школьники, студенты, предприниматели, домохозяйки, историки, инженеры, несколько клириков МП РПЦ.

Память чинов Корпуса была увековечена по инициативе и силами участников общественного историко-мемориального движения «Белое Дело». 10 сентября трудами участников этого движения и группы кубанских монархистов состоялось открытие памятной плиты на могиле корпусника, войскового старшины Николая Александровича Шрамко, похороненного в Краснодаре (Екатеринодаре).

11–13 сентября в Белграде состоялись II Международные исторические чтения, посвящённые памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875–1944) (II Головинские чтения), в которых приняли участие более

Чин Русского Корпуса

сорока докладчиков и слушателей, включая известных русских учёных из Екатеринбурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Пскова, Санкт-Петербурга, Саратова и других городов.

Круг обсуждавшихся дискуссионных проблем традиционно соответствовал научным интересам генерала Головина: социальные причины революции 1917 года и феномен большевизма, история Белого движения, антибольшевицкого сопротивления и воинской эмиграции, русская культура и революция и т.д. Были сделаны все 22 доклада объявленные в предварительной программе.

Вёл чтения К.М. Александров. Особый интерес и внимание слушателей вызвали выступления соис-

Михаил Наконечный - победитель конкурса докладов

кателя Михаила Наконечного (Псков), доктора филологических наук Светланы Шешуновой (Дубна), режиссера-кинодокументалиста Виктора Правдюка (Санкт-Петербург). По итогам общего голосования лауреатом II Головинских чтений объявлен молодой исследователь Михаил Наконечный, выступивший с развёрнутым докладом по результатам многолетних занятий «Смертность заключённых в отечественной пенитенциарной системе в 1885–1915 и 1930–1953 годах: сравнение в историческом контексте». Доклады будут опубликованы во II Головинском сборнике весной 2012 года. Следующие ежегодные чтения оргкомитет предполагает провести в октябре 2012 года.

Чтения состоялись по инициативе общественного историко-мемориального движения «Белое Дело» при поддержке научной программы со стороны заинтересованных учёных и ряда профессиональных изданий. Успеху мероприятия способствовали длительная организационная подготовка, дружелюбная атмосфера, взаимный интерес участников и высокий академический уровень большинства докладов.

В первый день чтений состоялась литургия в русской церкви Св. Троицы, богослужение и молитвенное поминовение генерал-лейтенантов Н. Н. Головина, П. Н. Врангеля и других русских генералов.

Доклады первого дня: «Духовные и социальные причины большевизма в России» (Андрей Зубов); «Генерал-лейтенант Н. Н. Головин — крупнейший деятель военной культуры Русского Зарубежья» (Игорь Домнин); «К истории награждения Генерального штаба генерал-майора Н. Н. Головина орденом св. Георгия IV степени в 1916 году (по неизвестным материалам Российского государственного военно-исторического архива)» (Фёдор Гущин); общая дискуссия «Русский человек и революционный кризис 1917 года: мотивы и последствия поведения».

Второй день: «Историческое значение I Всезарубежного Русского Церковного Собора 1921 года в Сремских Карловцах (Королевство СХС)» (архимандрит Никон (Лысенко)); «Из истории деятельности военно-политических организаций монархистов-легитимистов на Балканах в 1920–1930-е годы» (Сергей Маньков); «Русская военная эмиграция в Королевстве

СХС по страницам газеты “Русский военный вестник”» (Владимир Чичерюкин-Мейнгардт); «Проблема патриотизма в русской эмиграции накануне и в годы Второй мировой войны» (Юрий Тарасов); «Белая военная эмиграция в Сербии: история создания 12 сентября 1941 года Отдельного Русского Корпуса» (Кирилл Александров); «Духовенство Русского Корпуса в лагере “перемещённых лиц” Келлерберг» (Александр Корнилов); «Псковская Православная миссия: трагедия и подвиг. К 70-летию юбилею создания миссии митрополитом Сергием (Воскресенским)» (Константин Обозный); «Советские генералы в плену: нравственный аспект проблемы» (Олег Нуждин); общая дискуссия «Русский человек и Вторая мировая война: мотивы и последствия поведения».

«Литература “Серебряного века” и русская катастрофа» (Игорь Шауб); «К истории Гвардейского флотского экипажа в дни Февральской революции 1917 года» (Дмитрий Гузаиров); «Условия и способы мобилизации масс в годы гражданской войны» (Антон Посадский); «Репрессии против чинов Белых армий, 1919 — начало 1930-х годов: результаты новых исследований» (Николай Дмитриев); «Англичанин на русском фронте (1918–1920) в художественной литературе» (Светлана Шешунова); «Белое движение в русской поэзии XX века» (Виктор Правдюк); «Революция и гражданская война глазами сына русского купца Сергея Григорьевича Елисеева» (Светлана Марахонова); «Смертность заключённых в отечественной пенитенциарной системе в 1885–1915 и 1930–1953 годах: сравнение в историческом контексте» (Михаил Наконечный); «История антибольшевицкой эмиграции в документах Государственного архива Российской Федерации» (Юрий Цурганов); «Кто был кто в Югославии в 1941–1945 годах» (Милослав Самараджич); «Общественные организации современной России и перспективы деятельности по увековечиванию памяти белых воинов на ближайшие годы» (Олег Шевцов).

Подводя итоги II Головинских чтений, участники обсудили перспективы III чтений в 2012 году. Затем посетили в Ново Гробле могилу Верховного руководителя Добровольческой армии генерала от инфантерии М. В. Алексеева.

У могилы генерала Алексеева

Сергей Порохин

Генерального Штаба генерал-лейтенант, профессор Головин Николай Николаевич

Генерал Николай Николаевич Головин один из крупных военачальников Русской Императорской армии, а также крупный военный учёный России и Русского Зарубежья.

Николай Головин родился 22 февраля 1875 в Москве, в дворянской семье, ведшей своё происхождение от крестника царя Ивана III, московского боярина Ивана Головы. Сын генерала Николая Михайловича Головина (1836–1911), — участника обороны Севастополя в Крымскую войну и занимавшего долгие годы пост заведующего передвижением войск и военных грузов в Русской армии. Николай в 1885 году поступил в привилегированное военное учебное заведение Пажеский корпус, и «с 1 сентября 1892 года в возрасте 17 лет считался вступившим в действительную службу». [1] Этот корпус Николай Головин окончил в 1894 году. Службу начинает в лейб-гвардейской конно-артиллерийской бригаде, зарекомендовал себя отличным офицером. Николаевскую академию Генерального штаба Н. Н. Головин окончил в 1900 году по первому разряду. Служил по её окончании на штабных должностях: в штабах 37-й пехотной и 2-й гвардейской пехотной дивизий, Варшавской крепости и в штабе Петербургского военного округа.

С 1905 года занимает должность заведующего передвижением войск Петербургско-Двинского района. С 1905 по 1907 год являлся секретарём Общества Ревнителей Военных знаний, создателем и редактором «Вестника Общества Ревнителей Военных Знаний» (1905–1907 гг.) В этом журнале, а также в «Новом Времени» и «Русском Инвалиде» выходят первые его публикации по вопросам истории военного искусства и военной истории. Первой же его самостоятельной печатной работой был альбом, посвящённый героям 1812 года. В 1907 году Головин защищает диссертацию по военной психологии, в которой обосновывает идею о главенстве «духовного фактора» в войне над всеми прочими факторами. (Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. Диссертация на звание экстраординарного профессора Императорской Николаевской академии СПб, 1907.) [2] В феврале 1908 года Головин назначается экстраординарным, а в 1909 году ординарным профессором Николаевской военной академии, в которой он преподавал по январь 1914 года.

Осенью 1908 года Головин откомандирован на год во Францию для ознакомления с постановкой преподавания во Французской военной академии, где его качества военного учёного были высоко оценены французским военачальником Фошем. [3] По воз-

Сербия - место жительства Головина в 1931-1944 гг.

вращении представляет отчёт «Французская высшая военная школа», в котором вносит предложения по реформированию процесса обучения в академии. Головин, в частности, писал, что «Академия (Генерального Штаба — С. П.) должна готовить военных деятелей, а не военных учёных... Высшая военная школа должна стремиться развивать творческие способности обучающегося, обучение должно быть жизненным, от обучающегося должна требоваться самостоятельная работа». [4] С 1910 г. Головин приступает к реорганизации курса военного искусства на основе «прикладного метода обучения» В своих работах 1909–1912 гг. выдвигал идеи реформирования преподавания, сущность которого состояла «в переносе центра тяжести обучения на приложение знаний к частному случаю» и «живом объединении теоретических знаний с прикладными». [5] Усилия Головина были направлены на преодоление пропасти между умением научно мыслить и искусством командовать. Война проверяет жизненность предложенных методов, на которых должна основывается научная подготовка военачальников, способных в боевых условиях осуществлять свои оперативно-стратегические замыслы. Русская военная мысль

не уступала в своих основных выводах ни передовой военной мысли наших соперников, ни наших союзников. Головин также преподавал во Владимирском Военном училище.

В начале 1914 года полковник Головин назначен командиром 20-го Драгунского финляндского полка, стоявшего в Вильдманстранде. Первую мировую войну Головин встретил в должности командира Лейб-Гвардии Гродненского гусарского полка, которым успешно командовал в Галиции. В бою у Драган Головин был ранен и контужен, но оставался в строю. За доблестное командование полком Н. Н. Головин был произведён в генерал-майоры, награждён георгиевским оружием, четырьмя орденами. Известный впоследствии как видный государственный деятель Финляндии генерал барон К.-Г. Маннергейм, командир кавалерийской бригады, в которую входил полк Головина, дал такую аттестацию на своего подчинённого: «В этот подвижный период войны полковник Головин проявил себя как блестящий офицер Генерального штаба и кавалерийский начальник. Решителен, находчив, предприимчив, с большой инициативой. Под огнём держит себя примерно... Заслуживает выдвижения на высшую строевую должность вне очереди». [6] В ноябре 1914 года генерал Головин назначается генерал-квартирмейстером 9-й армии. С октября 1915 года исполняет должность начальника штаба, а затем становится начальником штаба 7-й армии. Его товарищ по Академии генерального штаба А. А. Самойло подверг критике командование 7-й армии. Он считал наступление 7-й армии, начатое в декабре 1915 г. безобразно организованным. «Захваченные позиции не удерживались, так как войска, захватившие их, не получали поддержки. Задачи давались неопределённые; Начальники находились от войск далеко; связи с тылом и соседями не было; донесения, как правило, не были достоверными. И это нарушение элементарных основ ведения боя имело место в армии, командующим которой состоял бывший начальник Академии генерального штаба Щербачёв, а начальником штаба — её профессор Головин!» [7] Здесь надо отметить, что Александр Самойло, причисленный к Генеральному штабу, сразу же перешедший на сторону большевиков после Октябрьского переворота, довольно тенденциозно стал оценивать своих сослуживцев, оставшихся верными традициям русской армии и монархической идее.

В 1916 г. во время знаменитого Брусиловского прорыва Головин разработал план и принимал непосредственное участие в осуществлении армейской наступательной операции, в ходе которой 7-я армия, под командованием генерала Щербачёва успешно произвела семь прорывов, «которые дали возможность нанести противнику решительное поражение и взять в плен 77 167 нижних чинов (из которых более 15 000 германцев) и захватить 68 орудий, 333 пулемёта и много всякого рода военной добычи...» [8] Как один из самых выдающихся генералов Генерального штаба Н. Н. Головин «намечался ещё с 1916 г. к замещению ге-

нерала М. В. Алексеева в должности начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, но был признан слишком молодым». [9]

После февральского (1917 г.) переворота перед Временным правительством встал вопрос о назначении нового начальника Военной академии Генерального штаба. Выбранным (большинством голосов (410) членов Академии Генерального Штаба) оказался генерал-лейтенант Головин, но на эту должность не был утверждён. [10] Был утверждён генерал А. И. Андогский, (набравший 373 голоса из 999). При этом Головину было разъяснено, что «занимаемое Вами высокое ответственное место на фронте и необходимость сохранить Вас для армии были причиной, почему Военный министр не оставил выбора на Вас» [11]

С 17 апреля по 15 октября 1917 года генерал-лейтенант Головин являлся Начальником штаба Группы армий в Румынии (Румынского фронта). В период нахождения на высших штабных должностях руководил разработкой и непосредственно участвовал в осуществлении более чем тридцати операций. [12] Был награждён орденом Св. Георгия 4-й ст. Но Головину приходилось не только разрабатывать операции против войск противника. После февраля 1917 года состояние своих войск было неблагоприятно. Головин вспоминал: «В первых числах июня в 163-й пехотной дивизии... вспыхнул бунт. Большевик, прапорщик Филиппов, руководящий этим мятежом, объявил даже в месте расположения штаба дивизии, в г. Кагуле, независимую социалистическую республику. Немедленно же мною (генерал Щербачёв, Главнокомандующий фронтом был в отъезде) было отдано распоряжение окружить взбунтовавшую дивизию полками 3-й кав. дивизии, двумя ударными батальонами и несколькими батареями. После нескольких артиллерийских выстрелов взбунтовавшая дивизия сдалась и выдала зачинщиков и затем сейчас же была расформирована. (...) Лёгкость, с которой происходили все эти усмирения, ясно подсказывала ту мысль, что на формирующиеся отборные части нужно было смотреть как на единственную реальную возможность остановить происходящий развал Армии и страны. Но для этого требовалось сохранение этих частей, а между тем проповедуемое большинством командного состава наступление являлось смертным приговором для этих отборных частей, так как не могло быть никакого сомнения, что эти части, применённые как ударные, вынесут на себе всю тяжесть потерь». [13]

В должности начальника штаба Румынского фронта генерал Головин завершает службу в Русской Армии и после развала фронта числится в Белых войсках Восточного фронта. Через Одессу генерал Головин выезжает во Францию, где с 24 декабря 1918 года (утверждён был со 2 февраля 1919 года) работает в качестве помощника по военным вопросам С. А. Сазонова — официального представителя правительства Колчака на Версальском конгрессе государств-победителей в Мировой войне.

В январе 1919 года как представитель Российской военной миссии Головин посещает Лондон, где выступает перед парламентской комиссией Великобритании о политической ситуации в России. Встречается с У. Черчиллем по вопросу о выделении ассигнований в поддержку Добровольческой армии.

Летом 1919 года генерал-лейтенант Н. Н. Головин принимает приглашение Верховного правителя адмирала Колчака возглавить штаб армий его фронта. В августе 1919 года Головин прибывает в Омск и по просьбе адмирала временно, но довольно успешно руководит обороной Омска. [14] В этот период колчаковские войска, оставив Поволжье, отходили на восток страны. В августе 1919 г. Головин прибывает в Омск... По разработанному генералом Головиным плану в сентябре 1919 года была осуществлена Петропавловская армейская контрнаступательная операция, позволившая колчаковцам отбросить стремительно наступавшую 5-ю красную армию за реку Тобол. (Это была последняя операция колчаковцев, увенчавшаяся успехом.) [15]

В октябре 1919 года Н. Н. Головин неожиданно покидает Ставку А. В. Колчака, по официальной версии: «эвакуирован в один из госпиталей Токио вследствие тяжёлой болезни, явившейся результатом полученной ранее на фронте контузии». [16] По версии же историка Мельгунова, это было «нежелание связывать своё имя с безнадёжным, или, по меньшей мере, неверным делом...» [17] «Ко всему нужно добавить сложившуюся у него конфликтную ситуацию с Главнокомандующим Восточным фронтом генералом М. К. Дитерихсом и его окружением...» [18] Пробыв на излечении в Японии ноябрь и декабрь 1919 г., Головин через Азию возвращается в начале 1920 года во Францию. (К этому времени Сибирская армия прекращает своё существование.)

В эмиграции Н. Н. Головин возвращается к военно-научной деятельности. Головин был одним из крупнейших представителей отечественной военной науки в Русском Зарубежье. Военный теоретик и историк, он был организатором и начальником Высших Военно-Научных Курсов в Париже (1927–1939) и Белграде (1931–1944), выполнявших за рубежом функции военной академии. В 1925 году на «курсах высшего военного самообразования», организованных в ряде европейских стран по инициативе Н. Н. Головина занималось 550 человек. [19] Курсы быстро завоевали популярность в эмигрантской среде. К проведению занятий Н. Н. Головин привлёк известных учёных и военачальников Русской Императорской армии: генералов Д. Г. Щербачёва, А. А. Гулквича, Б. В. Геруа, П. Ф. Рябикова, адмирала А. И. Русина, полковника профессора А. А. Зайцова и др. Занятия проводились 2 раза в неделю с 21 до 23 часов по 800-часовой учебной программе. Курс обучения был рассчитан на 50–52 месяца. [20]

Сам Головин, кроме того, читал лекции в военных академиях Франции, США, Югославии, Чехословакии. Состоял профессором Русского историко-филологического факультета в Парижском университете. Редак-

тировал белградские «Военный Сборник», «Осведомитель» (1936–1938 гг.), парижский «Русский Инвалид», сотрудничал со многими эмигрантскими и заграничными изданиями. Он — автор более ста значительных трудов. Среди них первая в России диссертация по военной психологии: «Мысли об устройстве будущей Российской вооружённой силы» (1925); «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.», «Военные усилия России в Мировой войне» (1939); «Наука о войне. О социологическом изучении войны». Париж, изд. газеты «Сигнал» (1938); «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» в 5 томах (12 книг), (Париж, 1937, изд. «Иллюстрированная Россия») и др. В целом же публикации Н. Н. Головина и его монографии выходили на русском, английском, французском, немецком, испанском сербском и болгарском языках. Общее количество его книг превышает 30, а публикаций — около 100. [21] Казачий атаман и писатель П. Н. Краснов дал такую оценку книги Головина «Российская контрреволюция...»: «Это подлинно серьёзная, научно обоснованная история русской контрреволюции. Она изложена так литературно, просто и красиво, что чтение не утомляет... Они (12 книг) должны быть прочтены каждым русским, где бы он ни был, и как бы беден и стеснён временем он ни был — молодым или старым. Старому напомнит страшное и пережитое, молодому расскажет о том, что он не знает и о чём часто неправильно и несправедливо судит, и скажет ему жуткую и жестокую правду о его Родине». [22] В Советской России за всё время издавалось лишь две работы Головина: «Служба Генерального штаба. Разведывательная служба». Вторая книга была написана вместе с адмиралом А. Д. Бубновым: «Тихоокеанская проблема в XX столетии». Военно-научное наследие профессора Н. Н. Головина ещё только возвращается в Россию.

В 1922–1923 гг. генерал Головин входил в строго конспиративную контрреволюционную организацию «Центр действия», состоял в руководстве Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) примыкая к его радикальному крылу, выступавшему за использование любых средств, в том числе и иностранной интервенции для свержения советской власти в России. С 1924 года Н. Н. Головин стал председателем объединения Лейб-Гвардейского Гродненского гусарского полка. В 1931 году возглавил группу офицеров Лейб-Гвардейской конной артиллерии в Париже.

Во время Второй мировой войны Н. Н. Головин вошёл в руководство Управления делами русских эмигрантов (УДРЭ) во Франции, руководимом Ю. С. Жеребковым. [23] В 1942 году Головин возглавил русские воинские организации во Франции. [24] Однако деятельность Головина была сведена к выступлениям с обзорами военных действий на фронтах Второй мировой войны в печатном органе Управления — «Парижском вестнике».

Согласно примечанию, помещённому в книге бывшего офицера Русской Императорской армии Штрик-Штрикфельдта, Н. Н. Головин принимал деятельное участие в разработке уставов Внутренней

службы для будущей Русской Освободительной Армии Власова. [25]

В августе 1943 г. Н. Н. Головин похоронил верную подругу жизни — жену Александру Николаевну Головину (урождённую Сороко). «Чувствую величайшее одиночество», — писал Н. Н. Головин генералу П. Н. Краснову за две недели до собственной кончины. [26] Сын Н. Н. Головина — Михаил Николаевич Головин (1903–1965) был видным авиационным инженером Великобритании. М. Н. Головин вместе со своим отцом в конце 1930-х гг. написал две работы по вопросам боевого применения авиации в будущей войне. В предвоенный период в военно-научных кругах наряду с воздушной доктриной итальянского генерала Дуэ использовался термин «воздушная доктрина Головина (Младшего)». Во время Второй мировой войны М. Н. Головин занимался разработкой мер противодействия немецким Фау-1 и Фау-2. После войны он написал книгу по проблеме звёздных войн.

В годы Второй мировой войны Н. Н. Головин часто болел — давали себя знать ранения и тяжёлая контузия, полученные в ходе Первой мировой. Умер Николай Николаевич Головин 10 января 1944 г. в Париже, от разрыва сердца, когда получил по почте символический гробик от тайной армии французского Сопротивления. [27] Николай Николаевич Головин был похоронен на русском кладбище под Парижем в Сент-Женевьев-де-Буа. [28]

1. Александров К. М. Ревнитель военных знаний//Родина. — 2009. — № 4. С. 76.
2. Образцов И. В. Заключительная статья к книге: Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. — Жуковский-Москва: «Кучково-Поле», 2001. С. 417–418.
3. Там же. С. 418.
4. Головин Н. Н. Французская высшая военная школа. Дисс. Императорской военной академии. — СПб., 1910. С. 225–226.
5. Головин Н. Н. Опыт применения прикладного метода обучения на младшем курсе Императорской Николаевской военной академии. — СПб.: Эконом. Типо-литограф., 1912. С. 9–10.
6. Образцов И. В. — Указ. соч. С. 420.
7. Самойло А. А. Две жизни. — Л.: Лениздат, 1963. С. 182.
8. Альбом кавалеров ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия и Георгиевского оружия — Белград, 1935. С. 132.
9. Поляков В. Н. Памяти профессора ген. Н. Н. Головина. Возрождение: Париж, 1957. Т. 68. С. 127.
10. См.: Алексеев Н. Профессор Н. Н. Головин//Русский инвалид (Париж). — 22 февраля 1933. — № 52.
11. Там же.
12. Образцов И. В. Указ. соч. С. 420.
13. Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. — Жуковский-Москва: «Кучково поле», 2001. С. 361.
14. Приложение: Творческие силы русской военной эмиграции. По: Военная мысль в изгнании. — М.: «Русский Путь», 1999. С. 541.
15. Образцов И. В. — Указ. соч. С. 421.
16. Пятницкий Н. Профессор генерал Н. Н. Головин (Некролог)//Парижский вестник, — 15.1.1944. — № 82.
17. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака// Из истории Гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. В 3-х частях. — Белград: Русская библиотека, 1930–1931. Ч. 3. № 1. С. 155.
18. Образцов И. В. Указ. соч. С. 421.
19. Зарубежные военно-научные курсы генерала Головина. Краткий отчёт с 1927 по 1937 г. //Осведомитель (Белград). — 1937. — № 3.
20. Образцов И. В. Указ. соч. С. 427.
21. Там же. С. 425.
22. Краснов П. Н.//Часовой (Брюссель-Париж). — 25 марта 1938. — С. 25–26.
23. Образцов И. В. Указ. соч. С. 428.
24. Парижский вестник, Париж. 1942, 14 июля. № 1.
25. Штрик-Штрикфельд В. Против Сталина и Гитлера. — М.: «Посев», 1993. С. 306.
26. Головин Н. Н. — Краснову П. Н. Письмо. 28 декабря 1943 г. Париж.
27. Любимов Л. Д. На чужбине. — М.: Советский писатель, 1963. С. 329.
28. Волков С. В. Энциклопедия Гражданской войны. — СПб.: «Нева», М.: «Олма-Пресс», 2003. С. 134–135.

Некоторые мысли Н. Н. Головина

(1) Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. — Жуковский-Москва: «Кучково-Поле, 2001. (Впервые опубликована на русском языке в 1939 г. в Париже, в 2-х тт.)

(2) Головин Н. Н. Современная стратегическая обстановка на Дальнем Востоке Великие Противостояния. Восток и Запад против России. — М.: АСТ, Астрель, 2004. (Белград: Русский голос, 1934.)

(3) Головин Н. Н. Обширное поле военной психологии. Предисловие к книге П. Н. Краснова «Душа армии»// Российский военный сборник. — М.: Русский путь, 1997.

- Судьба России представляет явление ещё небывалое в истории войн: Россия оказалась поражённой без решительной победы её врагов над Российской Армией на театре войны. Империя, занимавшая 1/6 часть суши земного шара, с населением, достигавшим 167 миллионов, начала разлагаться изнутри... (1) С. 11.

- Различие в боевой стойкости между великороссами и малороссами является интересным социальным вопросом... Может быть... Великороссия, проявившая большее напряжение для того, чтобы собрать вокруг себя Россию, израсходовала энергию своего коренного населения в большей мере, чем Малороссия? (1) С. 152.

- В каждом социальном организме складывается своего рода социальный подбор... В больном организме социальный подбор выражается в том, что подбираются наиболее «удобные» люди. (1) С. 28

- В больном обществе, так же как и в больном организме, подбор идёт не в направлении, соответствующем прогрессу развития общества. (1) С. 69.

- Нельзя воевать и ценить материальную часть дороже человеческих жизней. (1) С. 199.

- Русское офицерство и до войны, по существу не было замкнутой кастой. Даже в числе генералов на видных постах находились люди, вышедшие в полном смысле слова, из рядов простого народа. (1) С. 371.

- Несомненно, что русский солдат, вследствие его меньшей культурности, относился менее бережно к находящейся на его руках материальной части, нежели солдат французский, британский, американский или немецкий. (1) С. 192.

- Мы, которые гораздо больше говорили до 1914 года о главенствующем значении духовного элемента в войсках, чем немцы, выступили на войну с артиллерийским вооружением в два раза более слабым, чем германское и этим самым понизили дух наших войск и придали полную уверенность в своей силе немцам при действии против нас. (3) С. 18.

- Со времени вступления в управление Военным Министерством ген. Сухомлинова до начала войны, т. е., на этом посту (начальника Генерального Штаба) пребывало 4 лица (ген. Мышлаевский, ген. Генгросс, ген. Жилинский, ген. Янушкевич). Между тем в Германии последовательное пребывание на таком же посту — тоже четырёх лиц (граф Мольтке, граф Вальдерзее, граф Шлиффен, граф Мольтке-младший) продлилось 53 года. (1) С. 29.

- То бремя, которое выпало на долю России в первые три года войны, при малом понимании целей и задач войны самой народной массой, должно было вызвать сначала неудовлетворённость, а затем и недовольство войной... «Отказ от войны» русских масс, вскоре же после начала революции, стал основным процессом революции. (1) 352–353.

- Средняя заболеваемость в месяц с началом революции увеличилась на 120%, хотя никаких эпидемиологических заболеваний в русской армии не было... (1) С. 353.

- 25 октября/7 ноября (1917) в Петрограде большевики, опираясь на сочувствующий им гарнизон, произвели переворот. (...) «Солдаты, — пишет в своей радиотелеграмме Совет Народных Комиссаров, — дело мира, великое дело мира в ваших руках, вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей... Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров даёт вам право на это. О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами...» (Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин), Народный Комиссар и Верховный Главнокомандующий Н. Крыленко). На этом кончается для России участие в мировой войне. Но её народные массы не увидели обетованного мира, так как с появлением у власти большевиков сейчас же началась в России одна из самых жестоких во всей мировой истории гражданских войн. (1) С. 373–374.

- Что можно сказать про Красную Армию? Хотя она состоит из тех же элементов, из которых состояла старая русская армия, она армия не русская, а красная. Здесь вопрос не в словах, а в существе дела. Красная армия должна защищать пролетарский интернационал, а не права русской национальности на свободное существование. (2) С. 326.

- Резервами (в Приморье и Приамурье) для частей ПОО ГПУ, ЧОН и ГПУ служат интернациональные части, составленные из монголов, корейцев, преимущественно же из китайских хунгузов, общей численностью около 15 тысяч... Во время одного из подавлений (партизанских групп) части ГПУ расстреляли до 500 красноармейцев, сначала примкнувшим к партизанам, а потом сдавшимся... Численность войск ГПУ и «интернациональных», посредством которых большевики удерживают население Приморья и Приамурья в повиновении, достигает 46 тысяч. (2) С. 310–311, 318.

Олег Саленко

Новый Град Китеж

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ИТОГАМ ПОЕЗДКИ В ПОКРОВО-ТЕРВЕНИЧЕСКИЙ МОНАСТЫРЬ

*И лики Святых с икон говорят нам:
«Остановись человек, подумай, как
живешь ты, кто ты и зачем ты...»*

Из интервью священника

До паломничества в Покрово-Тервенический монастырь (что находится в деревне Тервениче Ленинградской области) автору этих строк довелось побывать в нескольких монастырях России. Впечатление от этих поездок всегда было двойственное. С одной стороны, была душевная радость о возрождении монастырской жизни — жизни в Молитве, Вере и благодатном труде. С другой... Как же больно видеть полуразрушенные внешние облики монастырей — со времен большевистского разорения, как правило, практически ничего не изменилось.

В паломничество в Покрово-Тервенический монастырь автор этих строк также собирался с некоторым опасением, ожидая увидеть привычную картину. И вдруг... Сойдя с автобуса, который довез меня до Тервеничи, я увидел огромный белокаменный монастырь. Он стоит на возвышении над всей деревней, и создается впечатление, что монастырь парит над всей Грешной Землей. Монастырские здания как бы сливаются с Небом, заходящее солнце играло лучами в куполах храмов. Воистину, эта чудная картина вочию свидетельствовала Человеку о Горнем Мире, о Царствии Небесном... Невольно я остановился и, сняв свой рюкзак, перекрестился, и стоял несколько минут, любуясь видом этого Нового Китеж-града...

У каждого народа есть своя национальная идея, идея, ставшая идентификатором народного создания, идея, который сплотила этот народ, дала ему смысл существования. Русский народ одухотворила Вера Православия, эта Вера стала скрепой соборного народного сознания, сплотила этот народ воедино, позволила ему создать государство и выстоять в годы военных лихолетий... Так было во времена Руси, которую мы часто именуем Святой. Как правило, это понятие связывается у нас со временами древнерусской истории. Но далее что-то случилось, надломилось в сознании русских людей. **Христианская проповедь перестала доходить до сердец как обычных людей, так и до сердец представителей высших классов.** Как следствие кризиса восприятия христианской проповеди, основная масса русского общества стала восприимчива к БУНТУ, как к бунту духовному, так и физическому. И вот уже появились бунтовщики — декабристы, бунт которых был не только моральный, но и физический. Уже Достоевский описывает в своих произведениях духовный кризис людей, лишенных Веры в Господа Иисуса Христа. Уже Иоанн Кронштадтский обращается в русскому народу с призывом к всенародному покаянию, которого если не произой-

дёт, то великое горе ждет Россию... Но эти призывы и увещания не были услышаны. Всё закончилось большевизмом, страшным разорением страны, уничтожением крупнейшей Поместной церкви, насилием над народом и, что самое страшное, извращением его души.

Духовная история России со всеми взлётами и падениями прошла через деревню Тервеничи.

История монастыря неотделима от истории места, которое дало ему возможность вырасти. Деревня Тервеничи известна с XII века. Это поселение всегда было центром духовной и общественной жизни. И даже в тяжёлые времена экономических и политических кризисов Тервеничи продолжали оставаться центром просвещения и духовности.

С середины XVIII века в деревне открылась церковно-приходская школа, а с 1884 г. — училище Министерства народного просвещения. В начале XX века стала работать земская больница.

В отличие от близлежащих деревень, где были только часовни, в Тервеничах всегда была церковь, а то и несколько. Но храмы были деревянные, часто горели, и до наших дней ни один из них не сохранился. Известно, что в селе была церковь Архангела Михаила. В конце XVIII века был построен еще и храм Покрова Пресвятой Богородицы, который сгорел в 1917 году (не правда ли — знаковое явление!).

В 1861 году, на средства местных жителей был построен большой кирпичный храм Успения Божией Матери. Крупным вкладчиком в строительство и содержание храма была семья Генеральских. Федор Генеральский был последним его старостой. Известны имена священников служивших в Тервеничах: о.

Владимир Пограницкий, о. Николай Знаменский, о. Василий Стручков. В 1935 году советская власть Тервенический храм, как и многие другие, закрыла.

В деревне образовался колхоз со всеми прелестями «счастливой» колхозной жизни — разорением частных хозяйств, насильственной коллективизацией, трудоднями, продразвёрсткой и бескормницей. По меткому выражению современного историка, кандидата исторических наук Кирилла Михайловича Александрова, настало время ВКП (б) — Второго Крепостного Права большевиков.

После прекращения богослужений в храме устроили клуб, потом склад зерна, а затем удобрений. Последнее окончательно разрушило храм.

Но, несмотря на то, что люди сделали всё возможное, чтобы уничтожить в селе всё, что было связано с Богом, Господь и Божия Матерь не оставили этого места.

Уже после закрытия храма в Тервеничи пришли сёстры, местные уроженки, из закрытой большевиками находившейся неподалеку Паданской Введенской обители: инокиня Александра (Александра Никифоровна Тервенская) и послушница Анна (Анна Осиповна Осипова). Эти женщины трудились вместе с деревенскими жителями, крестили их детей и своим словом и жизнью свидетельствовали о Боге. Послушницу Анну до сих пор все в деревне называют «крёстной». Обе матушки умерли в шестидесятых годах и похоронены на деревенском кладбище.

Следующие 30 лет о духовной жизни людям вопияли лишь зияющие пробоины в стенах некогда величавого Успенского храма.

Наступают 1990-е. Общество, вырвавшееся из оков коммунизма.

Не иначе как Божиим усмотрением в результате поиска места для будущей женской обители иеромонахом Лукианом (Куценко), настоятелем храма Воскресения Христова в Санкт-Петербурге, был найден этот храм. Случилось так, что батюшке с его спутниками пришлось остановиться на ночлег именно в Тервеничах, а наутро они поняли, что нашли то, что искали: это было в конце мая 1991 года.

О. Лукиан собрал вокруг себя единомышленников — верующих людей, которые с нуля, с пустого места начали работу по возрождению храма, облагораживанию территории. В грязи, в резиновых сапогах, не имея часто самого необходимого, начали работу по возрождению. Что двигало этими людьми? Только ВЕРА. Вера в то, что они начали большое благородное дело, что они работают во СЛАВУ БОЖЬЮ, и сознание того, что Господь и Матерь Божья не оставят их своим благословением. И вскоре знамение этого благословения пришло.

Весной 1992 года для обители произошло самое важное событие — обретение Тервенической иконы Божией Матери. В это же время на месте, указанном Самой Божией Матерью, нашли воду. Источник обустроили, выкопав колодец.

Летом матушки вместе с паломниками приводили в порядок храм. На Покров 1992 года в нем служили

Божественную Литургию. На Источнике поставили маленькую часовню.

Тем же летом монастырю отдали барак, стоявший рядом с храмом, ранее занимаемый базой отдыха Кировского завода. Туда перенесли келейный храм и кельи из деревенского дома.

К 1996 году постепенно увеличилось число сестёр. Монастырь обзавёлся своим хозяйством: взяли землю под огороды, купили корову. Был построен келейный деревянный корпус, перестроена часовня над Источником. Удалось сделать внешний ремонт Покровского храма, заново выстроить разрушенную колокольню и начать строительство второго келейного деревянного корпуса.

В январе 1997 года монастырь открыл свой скит в честь иконы Божией Матери «Неупиваемая Чаша» в деревне Пирозеро, в 20 км от Тервеничей.

Весной того же года обитель посетило первое испытание огнём — сгорел старый келейный корпус — барак. Из огня удалось спасти только Тервеническую икону, находившуюся в келейной церкви. Печальное событие пожара как бы дало новый толчок для роста монастыря, помогло всем мобилизовать свои внутренние силы. Оно стало началом нового жизненного этапа обители.

14 апреля 1997 года по представлению правящего архиерея митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира решением Священного Синода РПЦ Покровское сестричество получило статус монастыря, храм святых мучениц в Санкт-Петербурге стал считаться его подворьем. Монахиня Лукиана стала первой настоятельницей, духовником монастыря — его основатель и строитель, ныне архимандрит Лукиан (Куценко)...

Нет нужды описывать все хозяйственные дела, совершённые за все годы жизни монастыря. И по сей день монастырь строится и облагораживается. Не об этом речь. Хочется подчеркнуть другое.

Жизнь человеческая возможна во всей её духовной радости, в благодатном труде, приносящем обильные плоды, только в единении с Богом. Неважно, будет ли вести такую жизнь человек в обители или в миру. Важно обстоятельство идентификации себя, своего внутреннего мира, своего повседневного поведения на работе, в семье, в общине в соответствии с заповедями и учением христианства.

«Да любите друг друга», «хлеб свой добывай в поте лица своего», «веруйте в Отца Своего Небесного, а остальное приложится»... Ведь как просто, и как необычно ново звучат для нас, современных людей, живущих в век всяческих технических чудес, эти слова.

Мы приобрели все материальные плоды мира, но повредили душу свою.

Так давайте же будем снова Со Христом и Во Христе.

Ведь перед нами пример того, как можно построить Новую Жизнь. Покрово-Тервенический монастырь, явлен миру подобно Граду Китежу, граду, хоть и мифическому, но навсегда ставшему символом жизни во Христе.

Санкт-Петербург

Макшарип Яндиев

Демократические выборы, положившие начало возрождению России

ВОСПОМИНАНИЯ В ПРЕДДВЕРИЕ ОЧЕРЕДНЫХ ВЫБОРОВ

В 1990 г. депутаты Верховного Совета РСФСР жили в гостинице «Россия». Там же располагался один из штабов поддержки Б. Н. Ельцина, которым руководили депутаты В. Ф. Комчатов и Л. С. Шемаев. Я занимал на свои средства в той же гостинице номер, чтобы иметь возможность общаться с депутатами для поддержки Б. Н. Ельцина при голосовании за пост Председателя Верховного Совета РСФСР. С депутатом И. Ю. Костоевым я был знаком с 1965 г., со времен студенчества, и мы были в очень дружеских и доверительных отношениях. Это дало мне право говорить открыто обо всех процессах, происходивших в то бурное время в Москве, где я уже жил четыре года. Я посещал почти все митинги и собрания демократической общественности, что позволяло мне ответить Костоеву на вопросы, которые его интересовали ввиду их новизны для него. Мы постоянно встречались со многими депутатами в неформальной обстановке.

Первый съезд народных депутатов РСФСР — событие огромной исторической значимости. Впервые за всю тысячелетнюю историю России людям представилась не имеющая аналогов возможность свободно выбрать главу государства.

После двух туров голосования напряжение достигло апогея. В ночь с 28 на 29 мая перед последним, третьим, туром голосования по избранию Председателя Верховного Совета РСФСР мне удалось уговорить депутата Костоева сходить с депутатом Комчаковым, который собирался уходить из номера, где мы вместе долго засиделись в мучительных поисках выхода из тупика, к депутату М. А. Бочарову, жившему в другом номере той же гостиницы, и получить от него ответ на один-единственный вопрос: «Если Б. Н. Ельцин будет избран Председателем Верховного Совета РСФСР, примет ли Верховный Совет во главе с ним закон о реабилитации репрессированных народов?» Депутаты Комчатов и Костоев отправились к Бочарову и, вернувшись, Костоев сообщил, что народный депутат М. А. Бочаров поклялся на нательном кресте, что Б. Н. Ельцин сделает всё возможное для принятия Верховным Советом РСФСР закона о реабилита-

ции репрессированных народов, если сегодня, 29 мая, его изберут Председателем ВС РСФСР. До кворума в 531 голос для принятия постановления не хватало нескольких человек. Несмотря на поздний час, Костоев при мне начал звонить коллегам, и ему удалось заручиться поддержкой кандидатуры Б. Н. Ельцина ещё от нескольких депутатов.

Предвыборные обещания Костоева содержали пункт о принятии закона о реабилитации репрессированных народов Верховным Советом РСФСР, депутатом которого он стал. Костоев совместно с юристом Коваленко стал разработчиком и инициатором принятия этого закона. Закон мог быть принят Съездом народных депутатов РСФСР только при избрании его председателем Б. Н. Ельцина.

29 мая 1990 г. 535 голосами при кворуме в 531 голос Б. Н. Ельцина избрали Председателем Верховного Совета РСФСР. 26 апреля 1991 г. был принят закон о реабилитации репрессированных народов, давший толчок к принятию законов о реабилитации жертв политических репрессий и реабилитации казачества. Эти гуманный акты дали десяткам миллионов россиян надежду на необратимость демократических реформ, на торжество правды и справедливости в России.

Этими законами Б. Н. Ельцин спас души десятков миллионов невинно убитых Сталиным и большевизмом людей, а с оставшихся в живых снял позорное клеймо «изменников Родины» и «врагов народа», навсегда завоевав сердца миллионов жертв репрессий и их потомков.

Сейчас всё чаще можно услышать такие мнения: дескать, не будь Декларации о государственном суверенитете РСФСР, не распался бы и Советский Союз. Но тем, кто знает подоплёку событий, очевидно: не будь этого документа, сегодня не было бы и России.

За горе репрессированных народов и жертв политических репрессий СССР поплатился своим распадом и крахом коммунизма. Кто знает смысл жизни, тот знает смысл истории — это стоит помнить тем, кто называет распад СССР самой страшной трагедией XX века. Об этом стоит задуматься и всем нам, тем, кто собирается идти на выборы!

«Редлих — люди с той стороны!»

Уникальный фильм об НТС — «Редлих — люди с той стороны». 2004 года. В подарочном оформлении, на русском языке с английскими и немецкими субтитрами. Возможно приобрести только в «Посеве» в Москве или во Франкфурте. Автор и режиссёр — Г. Амнуэль, оператор Ш. Беркеши, музыка Ф. Шопена. В фильме снимались Роман Николаевич Редлих, Людмила Глебовна Редлих (Скуратова), Андрей Романович Редлих.